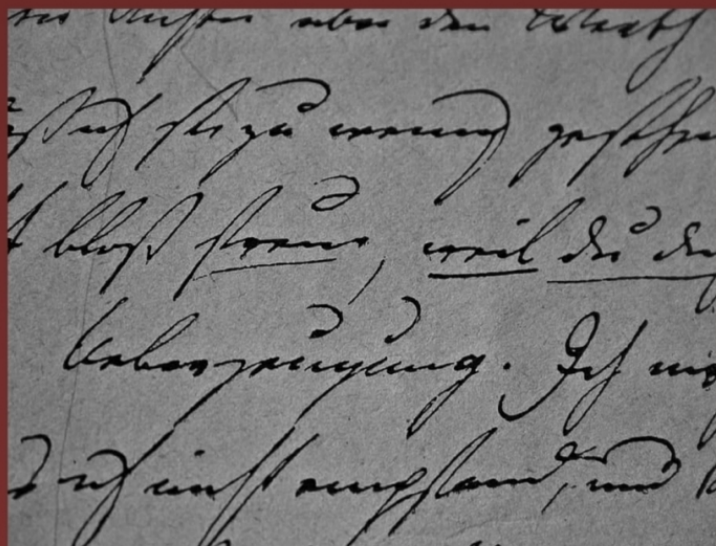

Анатолий Репецкий

МАСКАРАД для ЭМИГРАНТА

16+

Анатолий Репецкий

Маскарад для эмигранта

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Репецкий А. Т.

Маскарад для эмигранта / А. Т. Репецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Под ударами Красной Армии части барона Врангеля отходят к Севастополю, чтобы оттуда морем уйти к чужому берегу навсегда. Офицеров, оставшихся в Крыму, возможно, ждет смерть, не лучше участь тех, кто завербуются во Французский Легион, издевательства, лишения, тяжелые бои. Холмы Туниса и Марокко покрыты могилами русских легионеров. Побег во Францию не избавит от испытаний русского поручика Владимира Макарова. О его интересной, полной приключений судьбе – в этой книге.

© Репецкий А. Т., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Анатолий Репецкий

Маскарад для эмигранта

*Русские люди, где – бы
вы ни были, любите
Россию настоящую прошлую
и будущую и всегда
будьте ее верными
сыновьями и дочерьми.*

*Надпись на неизвестной могиле на русском кладбище в
Сент-Женевьев-де-Буа.*

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Вечером ему принесли телеграмму; ее он ожидал давно и с нетерпением. Было уже поздно, поэтому он позвонил в Париж утром, не дождавшись даже семи часов, что тоже неправильно, но ждать он просто не мог.

– Стас, нам нужно сегодня встретиться, причем срочно!

– Я уже догадался, раз ты разбудил меня, – услышался сонный голос, – что-то случилось?

– Случилось, но это не по телефону.

– Хорошо, тогда встречаемся в нашем кафе после десяти.

Он ожидал своего товарища на набережной Сены, на месте их постоянных встреч в двадцати минутах езды от Парижа. Ночью был сильный туман, теперь утренние лучи согнали его в низины, прижали к воде. На листве ивняка, на кустарниках и прибрежной траве засверкали мириады маленьких солнц в капельках росы. Станислав появился в назначенное время без опоздания, как всегда подтянутый и элегантный в одежде и манерах.

– Я получил телеграмму, – Владимир протянул бланк, – вот прочти. Там какой-то Зотов, и почему-то не Симферополь, а Москва.

«Виктор Дюбанов прибудет Париж рейсом СУ/253 аэропорт Орли СЮД 14 ноября 10 часов 10 минут. Москва, Зотов»

– Документы оформляют только через Москву через консульство, возможно, что Зотов работник этой конторы, – объяснил Стас, – вот он и подписался. Но я вижу, ты почему-то не рад, внук твой приезжает, а ты совсем не весел, Володя, случилось что-то?

– Да, ты угадал. За два дня до телеграммы был странный звонок, его можно принять за глупый розыгрыш, но мне кажется, что это очень серьезно. Звонивший сказал, что скоро я получу сообщение о приезде внука, точно привел текст телеграммы, а затем заявил: ему известен интерес определенных лиц к наследству графа Дюбуа. В результате сложной махинации к вам прибудет не ваш настоящий внук, а подставное лицо.

– Владимир, это какая-то невообразимая чушь! Причем, нелепая! Подменить человека? Это просто немыслимо! Там, в Советском Союзе идет такой контроль и проверка лиц выезжающих за рубеж, такой просев и пересев, уж я знаю, дважды к ним выезжал. Это провокация! Но зачем? Какие основания и мотивы? Непонятно.

– Мне тоже непонятно, Стас, но звонивший назвал факты из моей биографии, которые неизвестны даже тебе, близкому человеку. И из твоей, кстати, тоже.

– Ладно, потом расскажешь. Скажи мне, откуда он звонил и как представился?

– Звонок был из Германии. Он никак не представился, просто сказал, что будет ждать в Карлсруэ, кафе «Адонис» в следующее воскресенье с пяти до семи вечера. И просил вспомнить ту последнюю осень двадцатого года в Крыму, там я встречался с его отцом. А ты знаешь Стас, сколько людей прошло тогда рядом? И при каких обстоятельствах?

В середине осени большая группа всадников перемещалась по проселку от Акимовки в сторону Каховки; поднятая кавалькадой туча пыли, скорее всего, и стала причиной несчастья. Их, очевидно, заметили или же это был его величество слепой случай. Как бы там ни было, прямо в центре группы над их головами разорвался шрапнельный снаряд. Выстрел красного наводчика был удачен. Восемь убитых всадников, у всех остальных ранения различной тяжести, почти десяток павших лошадей. Поручик Макаров получил осколки в плечи и спину; шрапнель догнала его, видимо, уже на излете – кости не задеты и раны неглубокие, но их обширность и большая потеря крови привели его, после полевого лазарета, вначале в Армянск, а затем и в Ялту, где он долго лечился в военном госпитале. После двухнедельного лежания на животе в палате бывшего санатория, видя безуспешность лечения, он попросил выписать его домой. Врач не возражал – раненые все прибывали, фронт катился к Перекопу, и предполагалось, что скоро в его госпитале мест свободных не будет. Со словами, что дома даже стены помогают, не только выписал, но и устроил поручика на попутную машину, которая ехала в Симферополь за медикаментами и очередной партией раненых.

К вечеру этого же дня он добрался-таки до Евпатории и обнял жену на пороге своего дома; ответные объятия Елены причинили ему жгучую боль, но он не подал вида, потому что счастье встречи было сильнее боли.

Утром поручика приветствовали соседи; узнав о ранении, к нему тотчас прислали местную знахарку тетю Соню – маленькую согбенную старушку-караимку. Тетя Соня мазала ему спину желтой остро пахнущей мазью, приготовленной из цветков белой лилии.

– Такие болячки, как у тебя, для этой мази сущие пустяки, вылечит за неделю, но у тебя все очень запущено, – сообщила ему знахарка, – постарайся, как можно меньше двигаться, лучше всего полежать дней десять.

Но не двигаться он не мог, а тем более лежать. Владимир посетил немногих своих знакомых, тех, кому удалось спрятаться от красной и белой мобилизации. Наслушавшись их советов, решил, что пора осуществить зревший в его голове замысел оставить армию, которой отдал, несмотря на молодость, уже более трех лет жизни. Насмотревшись на зарытых в землю за эти бурные годы однополчан, он прекрасно сознавал, что в любой момент и он может остаться под наспех насыпанным холмиком. И он отправился в Севастополь, куда был переведен их полк, потрепанный красными в таврийских степях.

Он рассчитывал получить совет от своего командира и дальнего родственника по матери Александра Сергеевича Зайцева, переведенного в штаб корпуса за две недели до его ранения. Но полковник Зайцев находился в отъезде; об этом сообщил ему их общий давний знакомый майор Бибиков. Майор и указал ему место, где он сможет найти полковника. Оно показалось ему довольно неподходящим для этого, хотя бы потому, что здесь всегда многолюдно и поэтому шумно. Но в нем есть и свои преимущества: харчевня грека Николаса совсем недалеко от Графской пристани, и там можно вкусно пообедать; пренебрегать этим, конечно же, не стоило. Армия, благодаря поставкам союзников в настоящий момент не голодала, но в какое сравнение могли идти английские галеты или американская тушенка против шурпы или поджарки, которыми можно запросто полакомиться у Николаса. Даже чай, подаваемый здесь, аромат имел необычайный. Бибиков считал виновником столь вкусного чая высокого статного старика, занимающегося самоваром.

– Ему бы еще шпагу на пояс, и вот вам вылитый персонаж из Стивенсона, – смеялся майор.

Старик в белоснежной шерстяной безрукавке поверх серого свитера, широкий кожаный пояс на зеленых вельветовых брюках, на поясе с одной стороны маленький мешочек на шелковом шнурке, с другой фляга в кожаном переплете. Действительно, если добавить шпагу или пару пистолетов, получится боцман с «Острова сокровищ». Теперь они с майором приходили сюда обедать, здесь и нашел его полковник, забежавший на несколько минут; военный Севастополь уже жил напряженной жизнью, лихорадочно готовясь к предстоящей эвакуации. Встреча была теплой; о ранении он обмолвился вскользь: пустяки, скоро заживет, но с другой стороны даже хорошо, есть повод попроситься из армии.

– Попроситься из армии? – у полковника рука с ложкой остановилась на полдороге, – а куда ты намерен попроситься? К кому?

– Ни к кому. Уволюсь по ранению, и домой. Буду работать и воспитывать дочь. – Владимир уже решил не совета спрашивать у Полковника, а просто поставить в известность о своих намерениях, как о давно решенном деле.

Зайцев отставил тарелку; он задумался над тем, что сказал ему поручик. Предложил перейти на французский язык: вокруг полно всякого подозрительного народа, кое-кто явно прислушивается.

– Володя, ты скажи мне, ты представляешь себе ту ситуацию, в которой мы все окажемся, боюсь, что менее чем через месяц?

– Представляю. Придут красные и все закончится.

– Для кого закончится, и чем?

– Не знаю. Для всех, наверное, и для всех по-разному ... – У Владимира явно не столь безупречный французский, как у полковника, сейчас некоторые фразы у него выходят не совсем гладко. – Для меня – это окончание войны и, может быть, начало новой жизни; не знаю, я не провидец, но война, наверное, закончится.

– Ты ошибаешься, Владимир, если думаешь, что эта война может закончиться миром. Есть только один вариант: мы уходим отсюда в эмиграцию и потом, может быть, продолжим борьбу, если же мы остаемся, то наверняка все погибнем. Офицеры погибнут это точно, что будет с солдатами, сказать затрудняюсь. Армия уйдет, и вместе с нею все желающие. Ты готовься к тому, что придется отплыть вам семьей. Конечно, трудности будут, но если остаться, то будет хуже.

– Но я решил остаться, меня никто силой не заставит уйти.

– Ясно, что не заставит, даже пытаться не станет, ты ведь взрослый самостоятельный человек. И останешься, конечно же, в Евпатории?

– А где же еще? Я и работу уже присмотрел, но не сразу, посижусь с полгода, пока все не успокоится.

– Евпатория самое худшее, что можно придумать в твоём положении. Это ведь большая деревня, где все знают друг друга. Соседи, друзья, знакомые – все знают, что ты белый офицер. И нигде ты не отсидишься: ранение погонит тебя в аптеку или к врачу, и все. Если доктор тебя не заложит, то это сделают соседи; пойми, они все обязаны будут это сделать, и вовсе не из-за нелюбви к тебе, нет, лишь только, чтобы обезопасить себя, не стать укрывателями. Тебя просто расстреляют во дворе твоего дома. И ты знаешь, что с твоей женой красные возможно сделают то же самое, что делали с их женами наши ублюдки. А успокоится все, скорее всего, лишь после того, как только большевики поймают последнего офицера-белогвардейца.

– Александр Сергеевич, но вы-то лучше меня знаете, что тогда в девятнадцатом красные, находясь у власти, никого не тронули.

– Они не тронули лишь потому, что у них просто на это не было времени. Боюсь, что теперь они придут надолго и посчитаются за все. Давай оставим пока эту дискуссию, она ни к чему не приведет, а попытаемся найти хоть какой-нибудь выход.

Первый разговор не дал никаких результатов, так же как и последующие.

– Из Евпатории твоим нужно уходить, безусловно, – сказал ему Зайцев. – Поищи что – нибудь в Севастополе, а еще лучше в окрестных деревнях.

Он убил две недели на поиски жилья, но ничего подходящего не нашел. Зато возникло новое решение.

– У Лены в деревне Алчин* тетя живет, может к ней попробовать? – вспомнил Макаров последний разговор с женой.

– А ты знаешь, это действительно неплохая мысль, – обрадовался полковник. – Кстати, завтра мой заместитель отправляется в Евпаторию. Вот и хорошо, поедешь с ним. Алчин, это же рядом, езды меньше часа. Я предупрежу зама, он даст тебе машину на пару часов. Как семью устроишь, возвращайся, будем думать, как быть дальше. Надумаешь переночевать, приходи, гостиница на Морской недалеко от собора.

– Спасибо, я тут сослуживцев встретил, думаю у них остановиться.

– Смотри, как знаешь. Машина завтра в семь утра от штаба. Да, в деревню поедешь, переоденься в штатское, не светись там с погонами.

На следующий день, собрав самые необходимые вещи, отправились в Алчин. Дорога была прескверная, если это вообще можно было назвать таковой – нарезанную колесами телег канаву. Деревушка небольшая; домик тетки стоял на пригорке, окруженный старыми акациями. Еще издали он показался Владимиру нежилым, когда подъехали ближе, у него похолодело на сердце. Окна заколочены крест-накрест досками, а входная дверь, сорванная с петель, стояла прислоненная к косяку. Попросив жену не выходить, он сам

Село Великое

отправился к дому. Внутри все было разгромлено: на том месте, где раньше стояла печь, кучка битого кирпича и золы, перегородки комнат выломаны, даже потолок большей частью сорван, и теперь там зияют насквозь дыры снятой черепицы. Вернувшись на крыльцо, встретил старика в женской шубе, подпоясанной веревкой.

– Угорели мои соседи, сгинули бедные еще прошлой весной. Кабы знать, где Ленку искать, написали бы. А так, куда писать? город-то большой! А дом разорили; строился видать кто-то. Приехали на трех подводах человек десять, подойди к ним, попробуй, как они с ружжом! Вытащили все. Там и мебель была, и посуды много, и одёжи целых два комода, все забрали.

Он отвел их на кладбище; там они молча постояли возле уже поросшей травой могилки.

– Кто же так разорил дом моей тетушки? – сокрушалась Елена, когда уже шли к машине, – Володя, спроси у него, – шепнула, кивнув на старика-соседа, – почему на нем шуба, принадлежащая моей тете? Я ее сразу узнала, когда купили, то укорачивали вместе.

– Ясно откуда, но спрашивать бесполезно, он все одно соврет.

Начал накрапывать дождик, и они отправились в обратный путь. Дождь вскоре прекратился, но поднялся ветер, который пронизывал насквозь дырявый брезентовый тент штабной машины. Домой приехали вконец окоченевшие, и что самое страшное, простудили малышку. Всю ночь она плакала, а утром позвали знахарку, но та сказала, что нужен врач, у девочки жар. Пришел доктор, который еще в детстве лечил Владимира, он уже тогда казался ему старым; он осмотрел больную, приложил трубку к ее груди. Приговор был неутешительным: очень сильная простуда, легкие пока еще чистые, но... Дальнейшего воспаления можно избежать, если девочку держать в тепле. В настоящем тепле, чтобы печка горела вовсю. Моя коллега Соня простуду лечит лучше меня, – и старый врач дружелюбно усмехнулся старушке, – вы можете смело положиться на ее компрессы и растирки, и особенно на ее лечебный чай. Пока с пилюлями подождем, завтра загляну, но запомните, для нее тепло – это главное.

Владимир вышел проводить доктора; они пошли в сторону набережной; в отличие от вчерашнего день выдался солнечным.

– Видите, как сегодня хорошо. Осень у нас постоянно теплая, так что будем оптимистами, но печку на ночь топите обязательно. Но я вижу, вас еще что-то беспокоит, Володя, говорите не стесняйтесь.

– Вы угадали, Виталий Львович, и не просто беспокоит, а вот где сидит, – и поручик постучал себя в грудь. – Большевики скоро Крым возьмут, похоже, что мне бежать придется, а как мне быть с семьей? А может остаться? Может эти страхи напрасны, и нас никто не тронет? Что вы скажете на это? ведь вы видели их здесь в девятнадцатом году?

– На мой взгляд, нет ничего унижительнее, чем бежать из собственного дома, но сделать вам это придется, мой друг. Какими они были тогда, я видел, но поймите, после этого прошло полтора года жесточайшей войны, и неизвестно, какими они будут сейчас. Поэтому бегите, не раздумывая. Потом, когда вы увидите, что все хорошо, вы вернетесь, и это, я думаю, будет совсем не сложно. Живому не сложно, только мертвые, как известно не возвращаются. Когда, вы считаете, это может произойти?

– Трудно сказать точно, но предполагают, что осталось нам около месяца.

– Это уже хуже. Сейчас сложно предугадать, как пойдет лечение, но в любом случае после того, как девочка выздоровеет, ей нужно побережиться. Впереди зима, любой рецидив в это время года опасен. Ей месяца два-три следует избегать сквозняков, переохлаждения, а еще лучше до самого лета. А что вас ожидает? вы ведь морем будете уходить? А это для малышки недопустимо, такой переход ее убьет. И что ждет там, куда вас занесет судьба? Надеяться, что теплая и комфортная квартира, думаю, будет наивно, но вот палатка на мерзлой земле или землянка с лужей вместо пола, более вероятны. Подумайте, Володя, во имя чего вы их туда потащите? Вас будет кормить военный интендант, а их кто? А ей сейчас молоко, творог да мед крайне необходимы, слабенькая она у вас.

Макаров три дня провел дома; за это время он сделал запас угля и дров, протопил печку и обклеил окна. В кладовке валялось старое одеяло, он утеплил изнутри входную дверь; теперь, пожалуй, следует съездить в Севастополь. Елене он пообещал вернуться через пару дней, а себе дал слово, что это его последняя поездка.

В Симферополе, пока он искал попутный транспорт на Севастополь, какой-то офицер дал ему листовку – это был текст обращения командарма красных Фрунзе к генералу Врангелю и белым офицерам. Так, почитаем, что он нам написал: «сопротивление бессмысленно... вина за пролитую русскую кровь падет на вас, ... просит прекратить и сложить оружие...» Ага, вот: «кто даст слово, что не станет вредить Советской власти волен сам распорядиться своей судьбой – либо уехать, либо честным трудом замолишь свои грехи перед народом...» Ну вот, это именно то, что нам и требовалось. Слава Богу! Огромный-преогромный камень свалился с его души, он готов был от радости расцеловать первого встречного.

Таким человеком по приезду в Севастополь оказался Бибилов; он прогуливался по набережной и предложил присоединиться. Владимир согласился: чем больше он узнавал майора, тем больше тот ему нравился.

– Смотрите, поручик, – он кивнул на стоящие в бухте корабли, – пока их несколько, но скоро будет очень много, и одна из этих посудин увезет нас с вами в какую-нибудь неведомую страну, скорее всего, это будет Франция. Именно она, в противном случае ваши с Полковником упражнения на языке этой страны пропадут даром.

– Василий Иванович, вы ведь прекрасно знаете, что французский – это конспирация от клиентов харчевни, и что я хотел бы остаться в родном городе, где можно обойтись и без него. Скажите лучше, что эти корабли нам нужны будут нескоро, а еще лучше – не понадобятся совсем; ведь всем известно: наши главные перекопские укрепления неприступны. Я слышал, что старый Турецкий вал и глубокий ров перед ним дополнительно перекрыли проволочными заграждениями, так что до весны мы, наверняка, продержимся.

– Мой юный друг, ваши слова, да к Всевышнему! В нашем глубоком рву нет и ведра воды, ведь все лето и второй месяц осени ни капли дождя. Плюс к этой засухе уже больше недели дует западный ветер, который обязательно сделает подарок красным: сгонит воду из Сиваша к Арбатской стрелке. Но, если даже этого и не произойдет, они все равно не полезут в лоб; я слишком хорошо знаю эту публику. Большевики форсируют Сиваш, даже если в нем будет воды на два метра, попомните мои слова. Перебравшись, они выйдут нам во фланг, а перекопскому валу в тыл. И все, наша песенка будет тут же спета. Чувствую, что держаться мы будем там ровно столько, сколько нужно для погрузки армии и всех этих несчастных, – и он кивнул на беженцев, расположившихся прямо на набережной.

– А что вы скажете об обращении по радио Фрунзе, насчет его предложения сложить оружие?

– Когда прозвучало это обращение, барон Врангель приказал вместо ответа выключить все станции, кроме своей. Но думаю, что было уже поздно, многие уже его услышали, к тому же вслед появились листовки, так что желающих остаться, я думаю, будет предостаточно. Я вижу, Владимир, вы ждете от меня совета, так знайте, я вам его не дам; я не политик, и совершенно не представляю себе, чем это все кончится.

– А вы лично остаетесь?

– Нет, я уезжаю. Дело в том, что в Париже меня ждет женщина, которую я люблю уже много лет. Сейчас мне кажется, что провидение устраивают нашу встречу таким замысловатым образом, так что пока мои интересы и барона совпадают. А если честно, я бы уехал в любом случае, как ни больно мне покидать Россию. Но это придется делать ради спасения своей жизни; посмотри: за эти три года, что прошли с момента октябрьского переворота, Россию разграбили, сожгли и залили потоками крови. Кто, скажи мне, даст гарантию, что большевики на этом остановятся? Где ты видишь хоть малейший намек на то, что они собираются вложить в ножны свои мечи? Лично я не вижу. Хотя мы ведь сами, если взглянуть на это честно, заставили красных защищаться, навалившись на их всей Европой, да и не только. Не нужно было тащить сюда немцев и французов, с англичанами и японцами в придачу. Что касается тебя и твоей семьи, Володя, мне трудно что-то советовать, уволь, боюсь ошибиться. Вот Полковник через час придет, он все знает, слушайся его, плохого он не назовет. А листовку на всякий случай оставь, может как пропуск будет. Может и впрямь амнистия выйдет, как знать.

Но Макаров уже сразу поверил в листовку; для молодости оптимизм всегда ближе, чем мрачные предчувствия, тем более душа его жаждала счастья, рвалась к нему, и поэтому, когда он встретился с Полковником, видимо выражение этого страстно предполагаемого счастья было уже написано на его лице; Александр Сергеевич понял это по-своему.

– Я вижу, что ваша тетя приняла вас с радостью!

– Тетя? – он не сразу понял, о ком идет речь. – Нет, к великому-превеликому нашему огорчению, там произошло несчастье. Они с дядей умерли прошлой весной, а дом разграблен и разрушен, жить в нем невозможно. Зато вот, кажется, теперь можно и не уезжать, тем, кто сложит оружие, обещана амнистия, и ты можешь либо беспрепятственно уехать, либо честно трудиться, – Макаров положил перед Зайцевым листок. – Говорят, об этом было два дня тому назад по радио, это правда?

Полковник даже не взглянул на листок; он уже заканчивал свой обед, оставался только чай, который принесет ему сейчас этот живописный старик; он жестом пригласил поручика присесть.

– Владимир, у меня есть целый час для нашего разговора, думаю, что уже последнего. Насчет того, что было радио – правда, остальное, ложь, я в этом уверен. Пойми, Фрунзе хочет избежать ненужного пролития русской крови с обеих сторон. Это благородный поступок, и командующий красных, нужно отдать ему должное, сейчас действует искренне, следуя велению своего сердца. Но он, Володя, военный, и, следовательно, не он будет решать нашу судьбу

после того, как мы сложим оружие, а кто-нибудь из политиков, тот же Троцкий, который уже провозгласил политику красного террора. Поэтому не верь этим пустым обещаниям, пойми, за ними наверняка стоит смерть. Я думаю, что уходить вам нужно всей семьей; для Лены с дочкой, придумаем что-нибудь с каютой, попытаюсь устроить вас на «Генерала Корнилова». Это пока в моих силах, и там им будет более-менее сносно.

– Александр Сергеевич, Катенька заболела, она простыла в поездке. Доктор говорит, что переход по морю убьет девочку, у нее начинается воспаление. Сколько мы пробудем в пути?

– Этого никто не знает, как и то, куда мы идем. Врангель обратился к странам, участникам Антанты, но пока никто из них не изъявил готовности нас принять. Но, боюсь, доктор прав, море для нее может быть смертельно опасно, корабль – это железная коробка, и неизвестно какая будет погода, мы ведь уходим в предзимье.

Повисла пауза протяженностью в несколько тяжелых минут, первым нарушил молчание поручик.

– Если я уйду, они не переживут эту зиму, я уже сейчас едва нашел дрова, а что будет в январе? Что они будут есть? Если я останусь, то погибну и потащу их за собой. Где же выход? Я совершенно не вижу его, что же мне остается? – Поручик не знал, как будет на французском «застрелиться» и сказал «tur me» – Застрелить себя? Но и это не выход...

И тут они услышали фразу на отменном французском.

– Я могу помочь вам, месье, так же как и вы, я уверен, поможете мне.

Рядом с их столиком стоял тот самый одетый под пирата старик, которым так восхищался совсем недавно майор Бибилов. Он принес чай для Полковника.

– Вам что, нужно место на корабле? – в упор спросил его Зайцев.

Старик отрицательно покачал головой. Да о чем он спрашивает, подумал Макаров, человек может помочь, он ведь так и сказал, я могу помочь!

– Да вы присядьте, – предложил поручик, – вы кто? Вы одеты как-то необычно, вы француз?

– Да, я француз, зовут меня Георг Дюбуа, – старик присел за их столик, – а одел меня так Николас, хозяин харчевни. Я ему немножко помогаю, вот он и решил, чтобы я выглядел так rispetабельно...

У него загорелое лицо, голубые широко расставленные глаза смотрят приветливо. Волосы седые, но кое-где сохранились пряди, указывающие на то, что некогда они были иссиня черные и курчавые; нос с горбинкой, под ним коротко подстриженные усы еще не утратившие свой природный цвет.

– Простите, – обратился к нему Владимир, – вы сказали, что можете помочь, но в чем?

– Вначале я должен попросить у вас прощения за то, что подслушал ваш разговор, но это не из-за любопытства, нет, меня просто потянуло на родной для меня язык, на французскую речь. Я слышу о ваших проблемах давно, уже почти месяц, и я уже решил, как смогу вам помочь, если вы конечно того пожелаете.

«Если он француз, что он делает в Крыму? Хотя этой нации у нас и так было всегда предостаточно, а сейчас война пригнала сюда разного народа, размышлял поручик, а французы должны опасаться красных, как союзники по Антанте. Может прав Полковник, и этот старик просто намерен бежать с нами? И почему он подслушивает нас уже целый месяц? Кто же он такой?

– Помощь нужна, она крайне необходима. Но расскажите о себе чуточку подробнее. Что вы делаете в Крыму? – продолжил расспрашивать Макаров.

– Я живу здесь постоянно, причем уже очень давно, с 1856 года с момента окончания Крымской компании.

– Ого! сколько же вам лет? – поинтересовался поручик.

– В следующем году, если доживу, будет восемьдесят. Шестьдесят пять из них я крымчанин.

– Если вы военнопленный, почему вас не интернировали? – вмешался Полковник, – и как вы попали в армию, ведь вам тогда не исполнилось, если я не ошибаюсь, и пятнадцати лет?

– Да, вы не ошибаетесь. Мне было тогда всего лишь тринадцать, но я был рослый, сильный мальчик уже умеющий фехтовать и неплохо стрелять из пистоля и мушкета, и этого было достаточно, чтобы я стал юнгой на военном судне. Но никто, естественно, никуда бы меня не взял, если бы не одно обстоятельство: корабль принадлежал моему отцу, а капитаном на нем был мой дядя, младший брат отца. Как все мальчишки моего возраста я мечтал непременно принять участие в Крымской компании и совершил уже две попытки тайком сбежать с отправляющейся в поход армией. Мои родители понимали, что я на этом не успокоюсь, поскольку решительностью характера я был в деда, наполеоновского генерала. Кстати, и в Россию я отправился лишь с одной единственной целью: отомстить за дедушку Георга, которого обидели там еще в двенадцатом году. Опасаясь, что я так или иначе убегу, они решили вручить мою судьбу Самуэлю Дюбуа. Как оказалось впоследствии, это была роковая ошибка моего отца; из-за нее я навсегда остался в России. И произошло все это благодаря моему дяде, который вероломно бросил меня и десять таких же матросов на западном побережье Крыма.

– Дядя оставил родного племянника на чужбине, но почему?! – изумился поручик.

– Единственной причиной всему было наследство. В случае исчезновения законного наследника, то есть меня, это место после смерти моего отца занимал Самуэль. И позвольте мне ответить на ваш вопрос, – старик повернулся к Полковнику, – меня не интернировали потому, что брошенные там, в глухой степи мы не попали в плен, а просто потерялись. Но об этом потом, давайте сейчас о главном.

– Позвольте, какое наследство? Вы кто? – спросил Полковник.

– Я граф Анри-Жан Георг Дюбуа, – сообщил француз. Увидев, как переглянулись его собеседники, он протестующе поднял ладони, – ладно, к вопросу о моей персоне мы вернемся потом, а сейчас о вашей проблеме. Я живу в деревушке Кунан, не далеко от Ак-Мечети; место настолько глухое, что это трудно даже себе представить. После того как пройдут дожди, проехать туда просто невозможно. Более надежного места, где можно укрыться вашей семье, месье Макаров, вам не сыскать. Дорог там нет, до лета к нам никто не сунется, а к этому времени к вашей жене уже все привыкнут. Моя старшая дочь живет в Симферополе, ее детей в Кунане никто не видел, вот и выдадим вашу жену за мою внучку, думаю, что это сработает наверняка. Дом у меня большой, кроме меня и жены с нами живут сын с невесткой, на подворье есть коровы, овцы, кроме того полно всякой мелкой живности, так что проживем, я думаю, как-нибудь.

Француз доброжелательно смотрел на собеседников, ожидая ответ. Поручик растерялся, он не мог собраться с мыслями; полковник пил чай, глядел в окно.

– Все это так неожиданно, – наконец промолвил Владимир, – предложение конечно заманчивое, но мы ведь совершенно не знакомы, и я не знаю, чем вызвано ваше предложение. Ведь за ним должно что-то стоять, не так ли?

– Совершенно правильно, молодой человек, предложение незнакомого лица за которым ничего не стоит, не может вызвать ничего, кроме недоверия. Все справки обо мне можно навести у Николаса, в харчевне которого мы сейчас сидим или у его брата Андроника. Александр Сергеевич, как коренной севастополец, думаю, хорошо их знает и может сделать это в любую минуту. Теперь о том, что стоит за этим предложением. Знайте, за ним мой личный интерес, причем очень для меня привлекательный. Расскажу вам с самого начала. Как только мы лишились в одночасье своей родины, то вначале не сильно беспокоились о своем языке. На первое место стал русский, только в этом случае мы могли рассчитывать на безопасную жизнь в России. Но вскоре, когда мы несколько прижились, мы стали думать о том, что неплохо было

бы сохранить и родной французский, чтобы передать его детям. Мы все еще надеялись, что в дальнейшем нам удастся вернуться во Францию. Ну, если уж не нам, то нашим детям точно. Именно с этой целью мы стали искать нечто, что могло бы облегчить эту непростую задачу. Нашим спасителем по части языка стал Андроник; он на своем суденышке ходил с товаром в Одессу и откуда всякий раз привозил французские газеты. Конечно, в Евпатории можно было найти у букинистов кое-какие французские книги, но что они, эти книги, в сравнении с газетой, из которой можно хоть что-то узнать о своей далекой, но всегда желанной отчизне. Покидая Францию, я уже знал, что наша семья очень знатная и богатая, но конкретно я над этим ни разу всерьез не задумался, для этого просто не было повода. И вот однажды Андроник привез мне газету, содержание которой довольно резко изменило мои взгляды на будущее моих детей и внуков.

Георг положил на стол пожелтевшую газету, в ней красным карандашом был подчеркнут заголовок довольно большой заметки.

Наследство графа Дюбуа.

«Наша газета когда-то, причем очень давно, уже сообщала нашим читателям о кончине графа де Ламбера Доминика – Анри Дюбуа, владельца портов, верфей, фабрик и бесчисленных виноградников; наследником всего этого стал его младший брат Самуэль. Он оказался намного предприимчивее и сумел вдвое увеличить активы графства: описать размеры его состояния не хватит места в данной статье, да и цель у нас совершенно иная. Позавчера умер и Самуэль Дюбуа, права на огромные богатства перешли к его сыну Фредерику, успешному сорокапятилетнему предпринимателю, который увлекается скупкой антиквариата. Но настоящая сенсация, ради которой написана эта статья, кроется в заявлении капитана торгового судна Казимира Реньяра, который утверждает, что настоящий наследник богатства Дюбуа жив и находится где-то в России. Мы напоминаем нашим читателям, что четырнадцатилетний юнга Жан-Анри Георг Дюбуа был брошен родным дядей Самуэлем в Крымскую компанию на западном побережье Крыма с десятком таких же несчастных, как и он, матросов. На суде капитан Самуэль Дюбуа заявил, что ему пришлось их оставить, так как из Ак-Мечети в тот момент, когда они запасались пресной водой, вынеслась сотня казаков, и чтобы не допустить захвата судна, он был вынужден отчалить. Затем корабль долгое время курсировал вдоль берега, но оттуда не было никаких сигналов. Решив, что оставленные моряки просто дезертировали, они возвратились в Севастополь. У многих членов экипажа перед судебным процессом были иные версии, но ни одна из них так и не была высказана на суде; одни свидетели исчезли, другие повторяли слово в слово то, что говорил капитан. У многих присутствующих сложилось впечатление, что свидетели либо запуганы, либо подкуплены, но после процесса, на котором капитан был оправдан, в застольных беседах звучала настойчивая версия о умышленном, преднамеренном преступлении. Но теперь это были уже ничего не значащие разговоры.

Ваш корреспондент встретился с капитаном Реньяром: да Георг Дюбуа жив, несмотря на свой возраст, он бодр и жизнерадостен. Недавно у него родился внук, который сейчас по праву считается единственным законным наследником графа де Ламбера Дюбуа. Источник информации крымский грек, давний знакомый капитана, человек трезвый и честный.

Ассоциация юристов и адвокатов Франции единодушно признала Георга Дюбуа и его внука законными наследниками всей графской недвижимости, движимости, банков и капиталов.

Алло, дедушка и внук! Франция ждет вас, дорогих наследников!»

Ален.

Владимир кончил читать, откинулся на спинку стула и перевернул газету, она была прошлогодней.

– Это работа Андронника, – сказал француз, – он давно уговаривал меня обозваться в прессе, но я не видел в этом необходимости. Сейчас, когда все это обнародовалось и стало известно, что правда на нашей стороне, я подумал: а почему бы моему внуку не получить то, что принадлежит ему по праву? Теперь эта мысль приняла четкие, осмысленные очертания, мне видятся исполнители, и значит пути ее исполнения. Толчком к этому послужило все то, что я услышал от вас в течение последних дней.

– Если я не ошибаюсь, роль исполнителей вы уже отвели нам? – с изрядной долей сарказма заметил Зайцев.

– Только не нужно обижаться, но по-другому у нас просто не получится. Мой план прост: я помогаю вам, меcье Макаров, ваши жена и дочь будет в моем доме в полной безопасности, а вы помогаете мне, там во Франции. Мои предположения, что ваша армия, запертая в Крыму, уйдет морем куда-нибудь на запад, уже оправдываются; не исключено, что вы обязательно попадете во Францию, а там все карты вам в руки, дабы помочь мне. Я сейчас принесу документы.

Француз поднялся и исчез за дверью подсобного помещения.

– Что будем делать, Александр Сергеевич? Предложение очень заманчиво, и мне кажется, что старику можно верить, но все-таки ... Все случилось как-то неожиданно.

– Это тебе кажется, что неожиданно. На самом деле мы уже почти месяц обсуждаем наши проблемы, и все это время, похоже, старик обдумывал их с точки зрения своей выгоды. Теперь у него вырисовалось решение, которое должно удовлетворить обе стороны. Думаю, что нам нужно соглашаться, я не вижу другого выхода. Наша контрразведка проверила весь персонал этой харчевни: старик лоялен. И, несомненно, деликатен: он ушел, чтобы дать нам возможность наедине обсудить его предложение. Иди, позови его, Володя, мне скоро уходить.

– Вот чем мы располагаем, – Георг положил документы на стол, – это метрика, удостоверяющая французское происхождение моего внука Василия, а это, то же самое, но обо мне. Как заверили меня я адвокатской конторе, этого вполне достаточно, чтобы доказать право наследования. Видите, они выполнены на очень тонкой бумаге, чтобы легко было спрятать от посторонних глаз. Метрика на внука, это главный наш аргумент; моя – всего лишь копия, просто, как подтверждение. Капитану Реньяру мой друг Андроник вручил подлинники всех документов, вместе с описанием нашей одиссеи со всеми свидетельскими показаниями, тоже заверенными нотариально. Храниться они будут в ценных бумагах Морского банка города Марсель, их выдадут тому, кто представит метрику на имя Василия Дюбуа. И вот вам маленький крестик с монограммой моей матушки, я попрошу вас, крестик передайте моей сестре Октавии. Она наверняка еще жива, по крайней мере, я вижу ее такой во сне очень часто, видимо, так есть на самом деле.

– Значит, после нашего прибытия во Францию мы попытаемся установить право наследования вашего внука. Допустим, что это нам удастся, что потом? – задал вопрос Владимир, – какие наши действия?

– Скорее всего, вам все объяснят французские нотариусы. Это будет зависеть, как мне кажется, в первую очередь от обстановки в этой непредсказуемой стране по имени Россия. Так что, вы согласны?

– Согласны! Но учтите, меcье Дюбуа, я вручаю вам нечто большее, чем золото – жизни моих самых близких людей.

– Клянусь вам честью дворянина, их жизнь в моем доме будет в полной безопасности. Мы с Андроником уходим скоро из Севастополя и сразу же заберем вашу семью.

– Когда вы намерены отплыть? – полковник наклонился к Георгу, перешел на шепот, – вам необходимо поторопиться, через два-три дня выйдет приказ и начнется конфискация плавсредств у населения, к этому моменту вас не должно быть поблизости от крымских портов.

– Тогда мы наверняка уйдем сегодня в ночь. Где в Евпатории искать вашу семью? – обратился он к поручику, – лучше будет, если вы напишете супруге письмо.

– Еще лучше будет, если Владимир отправится с вами, – заметил Зайцев.

– Если такое возможно, то было бы прекрасно. Каким временем он располагает? – поинтересовался Георг.

– Неделя, не больше, но лучше вам уложиться дней за пять, все – таки это война, на ней многое непредсказуемо.

– Я уверен, что мы уложимся. Сутки до Ак-Мечети морем, переночует, а обратно в Евпаторию я его отвезу лично, оттуда ему до Севастополя добраться за трое суток, не думаю, что будет сложно. Даже пешком успеет – усмехнулся француз.

– Георг, вы сказали морем, но моя дочь простужена, – заметил Макаров, – если бы ей можно было морем, то мы бы...

– Не волнуйтесь, на этом шлюпе есть отличная теплая каютка. Маленькая, но в ней есть печка, а на полу медвежья шкура, – успокоил его Дюбуа. – От Евпатории хода всего-то три-четыре часа.

Полковник Зайцев тепло попрощался с Георгом и ушел; он еще раз попросил поручика не опаздывать. Все трое направились к выходу, у двери Георг остановился и шепнул Макарову: сейчас вы вернетесь, на столике я оставил свой мешочек, взгляните внимательно на тех двоих, что сидели за вашей спиной.

Спиной к их столу сидел пехотный капитан. Напротив него высокий черноволосый в черкеске с газырями; его лицо, особенно усы и глаза явно указывали на кавказское происхождение. Черноволосый читал какую-то бумагу; он радостно воскликнул: да ведь это именно то, что мы всю жизнь искали с тобой, Француз!

– Что вы заметили? – спросил Дюбуа.

Владимир рассказал. Старик нахмурился.

– Произошло то, чего я так опасался, Владимир, нас подслушали. Капитан, очевидно хорошо знающий французский, записывал наш разговор, а затем передал запись второму.

К ним подошел Петренко, офицер для особых поручений при Полковнике.

– Начальство велело дожидаться тебя здесь, – сообщил он, – вдруг понадобится.

– Уже понадобился, Саша. Нужно взять патруль и немедленно проверить документы у двоих типов, один невысокий, плотный пехотный капитан, второй, кавказец в черной черкеске. Они в харчевне, столик рядом с нашим. Придержи их, я скоро вернусь.

– Вы мне объясните, где найти ваш корабль, я подойду вечером часов в десять, – спросил он у Дюбуа.

– Какой корабль, – рассмеялся Георг, – это небольшой барк! хотя кроме паруса у него есть еще и двигатель. Стоим мы в Стрелецкой бухте, любого спросите, вам покажут. Сейчас закажите мне извозчика, военных они только и слушаются, у меня кое-какой груз здесь. И если можно, давайте продолжим разговор французским, представляете, какой музыкой он звучит в моих ушах.

Ехать в Стрелецкую бухту никто не хотел, мол, далековато; наконец, удалось уговорить молодого бледного парня, по всей вероятности раненого, одна нога у него была в сапоге другая в валенке. Когда возвратились к харчевне, их поджидал явно расстроенный Петренко: те двое, пока он искал патруль ушли через кухню.

Они погрузили на телегу два больших мешка, и Георг отправился в путь. По дороге возница подобрал молодого чернявого парня по кличке Цыган. Бледнолицый сообщил ему, что везет француза в Стрелецкую бухту с двумя мешками груза, что в мешках, неизвестно.

– А ты точно уверен, что он француз, – поинтересовался Цыган.

– Точно. Когда они меня нанимали, то со мной офицер договаривался: куда ехать и сколько платить, а этот только лопотал по своему, ни одного русского слова не сказал.

Цыган сделал несколько попыток заговорить с Георгом, задавая самые дурацкие вопросы, но тот не отвечал. Когда же из-под колес выскочил дремавший в придорожных кустах заяц, то их попутчик заорал истошным голосом, – «волк! волк!» – Возница хохотал, и Георг сам тоже с трудом удерживался, чтобы не рассмеяться.

– Интересно, что у него в мешках? Ты не знаешь, Федя? А вот мы сейчас проверим, – и чернявый схватился за угол мешка. Георг стукнул его по руке. – Но! Но! – Смотри, не разрешает, чертов басурман, – крикнул Цыган, – а мне, Федюня, кажется, что там у него табак. – Он попытался понюхать мешок, – точно, табаком пахнет!

– Угадал, – подумал Георг: шкурки ягнят, пересыпанные самосадом.

Наконец, Федя получил приказ ехать через Воронью балку. Там, на мостике левым колесом въехать в выбоину, где нет куска бревна и остановиться. Они с французом слезут подтолкнуть телегу, а ты хлестнешь лошадь, и все, поминай, как звали! И гони к Максимовой даче, подождешь меня там, у Трубачихи; да не вздумай слинять, голову оторву! Ты представляешь, Федя, сколько курева у нас будет! Один мешок, конечно, продадим, заживем на славу. Только как его, черта нерусского, из телеги вытащишь? Ну, ладно, там посмотрим.

План был выполнен на славу: колесо стукнулось в ухаб, лошадь остановилась. Но когда заговорщики обернулись, то застыли с открытыми ртами – на них смотрел ствол огромного пистоля.

– Тише, я Дубровский! – сказал старик по-русски и взвел курок, который издал звук, напоминающий крик ворона. Цыган кулем вывалился из телеги, возница же сидел с отвисшей челюстью.

– Скажи ему, Федор, пусть подтолкнет, а не то...

– Да мы сами, – охрипшим вдруг голосом сказал Федя, – как изволите... – И хлестнул лошадь. Георг от всей души расхохотался.

Ночью, когда они уже проходили створ бакена на Булганак, стоявший у штурвала Андроник указал Владимиру на северную часть небосвода. Где-то далеко за невидимым горизонтом, в сплошной черноте ночного неба вспыхивали и гасли крошечные язычки пламени, иногда они сливались вдруг в единый сполох и так же внезапно исчезали, отчего ночь становилась еще темнее. Это отражение той артиллерийской дуэли, что вели между собой белая и красная армии; дуэли, где победитель уже заранее predetermined, и единственным ее секундантом было высокое таврическое небо.

На рассвете барк подошел к Евпатории. Проснувшееся где-то за кормой солнце, ослепительно заиграло первым лучом на золотом куполе Свято-Никольского храма, на стенах мусульманского собора Джуми-Джами, осветило пустынную набережную. На якорь стали метрах в трехстах от берега и спустили шлюпку; осадка позволяла подойти намного ближе, но капитан решил не рисковать. Пришвартовались у причала рыболовецкой артели. Город еще не проснулся, в трамвае кроме них и кондуктора был один единственный пассажир – рыбак с ночным уловом. Было слышно как рыба шевелилась в его мешке, вскоре под ним набежала лужица. Кондуктор громко выразил свое неудовольствие и апеллировал к Макарову, назвав его господином офицером, хотя тот был в штатской одежде. «Прав был Полковник, говоря, что Евпатория большая деревня», с горечью подумал поручик, засветился я здесь в первую же минуту.

– И в какой же стороне ваш дом, – поинтересовался Георг, когда они вышли из трамвая возле мечети.

– Прямо напротив ремесленной синагоги, только нужно пройти через двор старого караима Кискачи. Наш следующий.

Георг остановился, от его обычной невозмутимости не осталось и следа.

– Нет, вы представляете, насколько тесен этот мир! Я уже не раз бывал в этом дворе, там жила семья наших французов из Кунана.

– Не может быть, – теперь пришел черед удивляться Владимиру, – это были наши соседи! Я постоянно играл с их внуками, мои родители поощряли нашу дружбу, у них я учился французскому, они больше говорили на нем, чем на русском. Тогда вы свободно найдете мой дом, вы поворачиваете здесь, а я пройду еще сотню метров, попрошу своего товарища помочь нам тачкой перевезти вещи к лодке. Жену зовут Лена. Ах, впрочем, вы это знаете. Скажите ей, пусть собирается.

Как только Георг вошел во двор, его взору открылась неприглядная картина наглого грабежа. Подросток вырывал из рук плачущей молодой женщины простыню, вернее, из одной руки, так как второй она прижимала к себе ребенка. Малышка, напуганная происходящим, тоже громко плакала.

– А ну брось! – приказал старик парню, но тот не обратил на его слова никакого внимания. Тогда он вытащил свой пистоль, взял за ствол и стукнул юного мародера по плечу; тот выпустил свою добычу и присел на корточки, схватившись за ушибленное место.

– Вы Елена? – Георг шагнул к женщине, та испуганно попятилась, прижимая к себе ребенка; можно было догадаться, что сам вид неожиданного спасителя с пистолем напугал ее намного больше, чем грабитель. Он спрятал оружие и объяснил, что он от Владимира, который придет с минуты на минуту и начал собирать разбросанные по двору вещи. – А это кто? – кивнул он на все еще сидящего на корточках юношу, – вставай, молодой человек, помогай собирать то, что разбросал, зарабатывая прощение, которое ты получишь, если за тобой нет других грехов.

– Там, в доме второй, главный, – Елена кивнула на открытую дверь, – они уже второй раз пришли, добирать, что осталось...

Она не успела договорить; в дверном проеме появился мордастый парень, в руках он держал швейную машинку, которую осторожно поставил на порог, затем исчез за дверью и тут же появился снова с большим узлом. Парню лет под тридцать, такому по лбу не стукнешь, и Георг наставил на него пистоль.

– Ты что, дед? Ополоумел? – он опустил свою ношу и шагнул к Дюбуа. – А ну, брось! Ты думаешь, эта штука может выстрелить?

– Тебе куда, в живот или в ногу? – Георг взвел курок; ужасающий звук заставил парня побледнеть, он остановился, быстро наклонился и вытащил из голенища сапога большой кухонный нож.

– Васька, а ну, возьми там в углу палку, да заходи сзади, сейчас мы этого дедушку...

– Сам заходи, – огрызнулся Васька, явно решивший не принимать никакого участия в происходящем.

– Кому говорю, заходи, – продолжал наступать парень, угрожающе подняв нож.

– Стоять или я стреляю! – воскликнул Георг.

В этот, критический для обеих сторон, момент, стукнула входная калитка, во двор вошел Владимир с высоким мужчиной в морском кителе. Мордастый спрятал за спину нож и попятился, но было поздно; высокий в два прыжка пересек двор и влепил грабителю такую затрепину, что тот, выронив нож, отлетел в угол.

– Вовремя мы явились, – сказал поручик, обнимая супругу, – я вижу, что ты уже собрала вещи. А что это за люди? За что вы его ударили, Иван Петрович?

– Так это же ворюга евпаторийский, тезка мой, по кличке Ванька-Прыц! думаю, что это он вещички собрал, а не хозяйка. Ты что скажешь, Лена?

– Он самый. Сегодня пришел уже второй раз; позавчера теплые вещи забрал, а сегодня за бельем явился.

– Лена, нужно было бы сразу ко мне. Ну ладно, что ж теперь остается? Я тачку беру и этого гада заодно, пойдем к нему домой, посмотрим, что там еще осталось.

Через два часа они погрузили на судно нехитрые пожитки, и шлюп двинулся вдоль побережья в сторону Ак-Мечети.

– Сейчас мы повторяем путь «Шарлотты», – задумчиво промолвил Георг, – того самого злополучного судна, которое лишило меня родины.

Андроник высадил их возле деревни Джанбаба, оттуда знакомый татарин телегой доставил путников до места. На землю уже опускались сумерки, когда перед ними открылась деревушка Кунан: четыре десятка небольших под кустарной черепицей домиков, огороженных заборами из дикого камня, вокруг пожухлые акации.

Во дворе их встретила невысокая женщина. «Знакомьтесь, это моя жена Нина» и Георг представил молодых людей. Хозяйка обрадовалась гостям, особенно девочке, которую сразу же сама внесла в дом. За ужином, в котором приняла участие вся семья, строили планы на будущее, причем самые радужные. По тому, что для них заранее была приготовлена комната, Владимир пришел к выводу, что их приезд для семейства не был большой неожиданностью. «Да, – призналась хозяйка, – Жора мне прислал письмо, что вы должны приехать к нам, вот мы и приготовились». Жора, это было уже совсем по-русски. За столом кроме Георга и его жены, сидели их сын Константин, невестка Татьяна и внук Вася. В большой комнате было достаточно тепло, и Катю посадили в колыбельку еще совсем недавно безраздельно принадлежащую двухлетнему Василию; теперь он, нахмурившись, с точки зрения собственника, у которого явно пытаются отобрать его имущество, спрашивал у мамы, что это за девочка, и почему она сидит в его колыбельке?

– Это твоя новая сестричка, Васенька, – ответила ему Татьяна.

– Прошу тебя, Таня, не пытайся направить нас всех по ложному следу. Новая сестричка, это на вашей с Костей ответственности, а пока пусть мальчик так и думает, но уверена, что через лет этак пятнадцать, он, наверняка, свое мнение изменит. – Нина мечтательно посмотрела вдаль, там где было нечто, доступное только для нее одной, и продолжила, – и пусть так и произойдет, если это будет угодно Всевышнему.

За ужином Георг пообещал завтра показать им место той злополучной или счастливой высадки; мы до сих пор так и не решили, какой. Когда пили утренний чай, Нина принесла проснувшуюся Катю.

– Мы уже подружили с вашей дочерью, – сообщила хозяйка, – так что на прогулку отправляйтесь без нее, возле моря уже довольно свежо. Мы без мамы, плакать не станем, правда, Катя? – В ответ девочка обхватила Нину руками за шею и прижалась к ее щеке. – Ну вот, убедились? можете теперь отправляться со спокойной душой.

Во дворе стоял ослик, запряженный в маленькую тележку; в обратную дорогу у нас будет груз, пояснил Георг, а сейчас он повезет наш обед. На тележку мы все не заберемся, так как Кеша еще молод для большого груза, но вам, Владимир, я предлагаю плацкарту, вы все-таки после ранения.

– Да я уже забыл о нем, – запротестовал поручик, – а вот вам положено по возрасту.

– Ну, нет, я еще со своими овечками хоть к Донузлаву, хоть на Ярылгач за ночь хожу туда и обратно; и на веслах вдоль берега от Джанбабы до Чеголтая совсем для меня еще несложно.

Чабан и рыбак! Так вот откуда у него загар темнее старой бронзы, сильные мускулистые руки, легкая походка и осанка сорокалетнего мужчины. Он и похож, пожалуй, больше на такого, чем на старика на восьмом десятке. Владимир залюбовался им, и вскоре его дипломатические расспросы дали результат.

– В первую очередь это, конечно же, труд на свежем воздухе, а здесь ведь море вокруг, свежее не бывает. Но трудиться нужно в меру, не перенапрягаясь и в удовольствие, если работа

не в удовольствие, то она здоровья не прибавит, а наоборот. Много значит, чем питаться: у нас в основном это баранина, рыба, овечья брынза, овощи, хотя с ними не все получается, засушливо здесь, но лука и чеснока в избытке. Вода из колодца чистая очень, ну и вино домашнее делаем, причем только сухое красное, вы ведь видели какой у нас виноградник!

Осеннее солнце на чистом без единого облачка небе еще хорошо пригревало. Легкий ветерок в изобилии переносил тонкие нити паутины, цепляя ее на высохшие кустики полыни и чабреца. Снующие над степью чайки-хохотуны своими криками несколько не нарушали тишину этого, казалось, зачарованного утра, а еще больше ее подчеркивали. На тележку усадили Лену; у нее, как у городской жительницы, ходьба по мелким камешкам не совсем получалась.

– Такая же погода стояла и тогда, той злополучной последней весной Крымской компании, – начал свой рассказ Георг Дюбуа. – Наша армия, сразу же в первый год после ноябрьского шторма, который потрепал нас близ крымских берегов, испытывала изрядную нехватку продовольствия; часть его мы потеряли из своих запасов во время той ужасной бури, многое из того, что осталось, подмокло и начало портиться. Потом стало еще хуже, и командование приняло решение отправить судно на поиски провианта. Выбор пал на нашу «Шарлотту», почти не пригодную для боевых действий, после евпаторийской стихии. Нам оставили одну пушку, снабдили деньгами и отправили вдоль юго-западного побережья закупать у населения скот. Русский царь издал указ, запрещающий населению подходить со своими стадами к морю ближе, чем на двадцать верст, но этот приказ, ясное дело, не соблюдался. Днем мы бросали якорь подальше от берега, а ночью тихонько с погашенными огнями скользили вдоль него, высматривая, даже скорее, выслушивая и почти что вынюхивая добычу. В первую очередь пастухов выдавали костры – ну как же ночью без огня. Если не костер, то лай собак, блеяние овец или еще какие-то неизвестные признаки, по которым ориентировались два местных татарина, взятых в плен неподалеку от селения Саки. Нужно сказать, что они были большими специалистами в отлове овец; вооруженные специальными палками, они вдвоем могли поймать столько же животных, сколько мы вдесятером. Пастухи обычно разбегались, рассчитывать было не с кем; мы оставляли деньги где-нибудь на видном месте, придавленные камнем, чтобы не разлетелись. Денег – тем более мы уже знали, что они были фальшивые – не жалели: нужно было задобрить владельцев скота настолько, чтобы они не вздумали обращаться с жалобой к властям. Метод наш срабатывал, никто нас не преследовал, но мы постепенно все больше теряли всякую осторожность. Первые три рейса мы загрузились скотом, даже не доходя до села Караджа. При очередном мы обогнули мыс Тарханкут, и далеко обойдя Ак-Мечеть, где по нашим сведениям у русских находился казачий гарнизон, двинулись вдоль северо-западного побережья; здесь народ был еще более беспечен, чем на юге, судя хотя бы потому, что пастухи здесь от нас не убегали и не прятались. Так было возле Чеголтая, Бютени и Сары – Булата, где мы свободно рассчитывались деньгами, и наши проводники мирно беседовали с местными пастухами. По их словам никаких войск поблизости нет; это сообщение еще больше усилило ощущение полной безопасности.

На очередном холме, на вершину которого трудолюбивый Кеша вытащил свою тележку, горизонт вдруг расступился и внезапно упал куда-то вниз. Перед ними открылась величественная панорама моря, не имеющая границ ни справа, ни слева, сливаясь где-то в бескрайней дали с таким же безмятежным небом. На воде царил полный штиль. Неподвижную гладь моря стремительно вспарывала дельфинья стая, мощные блестящие туши животных внезапно появлялись на поверхности и, сверкнув в ярких лучах солнца, грациозно исчезали в морской пучине, чтобы так же внезапно появиться вновь. У всех захватило дух от столь необычайного, так неожиданно открывшегося перед ними зрелища.

– Дельфины! – воскликнула Елена, – они что, так играют?! Нет, вы посмотрите, как это красиво! – она не может сдержать свой восторг.

– Скорее всего, – заметил Георг, – они гонят косяк рыбы к берегу, сейчас они будут завтракать. Но и второе предположение тоже верное: все, что делают эти изумительные животные похоже на игру, такие у них правила.

– Боже! Я всю жизнь прожила у моря, но таких прекрасных дельфинов и ничего подобного не видела.

– Весь секрет в том, Лена, – уточнил Дюбуа, что мы смотрим на них с высоты двенадцати метров, потому такой эффект; в Евпатории берег всего лишь на один метр выше поверхности моря, потому эти дельфины кажутся вам столь необычными. Поверьте мне, они точь-в-точь такие же как и евпаторийские, может даже оттуда и родом.

Перед ними лежала степная балка с поросшими густой травой довольно крутыми склонами, кое-где виднелся кустарник; у воды она значительно расширилась.

– Она так внезапно появилась, эта балка, – заметил поручик.

– Так же внезапно появилась она перед нами и тогда шестьдесят пять лет назад, когда «Шарлотта», груженная блеющим и мычащим товаром, двигалась, влекомая попутным норд-остом, – продолжил свой рассказ Георг, – видите этот густой камыш в конце балки у самой кромки моря? Наличие его указывает, что именно там есть пресная вода; этот злак растет обычно там, где есть родники. Мы увидели эту балку со стороны моря, и у нас появилась вполне естественная мысль: пополнить запасы пресной воды, так как под Севастополем с водой были постоянные проблемы, в основном из-за скопления такого огромного количества людей. Кроме того, нам требовалась вода для животных, иначе их не довезти до базы живыми. Все было, как я сказал, естественно, кроме одного: было уже утро, солнце выкатилось над степью, мы были видны со всех сторон, как на ладони, но, тем не менее, капитан приказал спустить шлюпку. Обычно мы делали это ночью, но теперь в нас вселилось ощущение полной безопасности. Родник был вот здесь, – он показал на роскошный куст серебристого лоха; среди его корней, едва заметно струилась вода, – видите, он почти ушел под землю, а раньше бил таким ключом, что вокруг него образовалась яма метровой глубины, из которой мы и наполняли меха. Отсюда до отмели более ста метров, тяжелые бурдюки нужно было дотащить и погрузить в шлюпку, затем довезти до фрегата, который якорь бросил в ста метрах от берега, ближе подойти было опасно, кое-где из воды торчали камни. Вся команда была занята заготовкой воды, даже матрос – сигнальщик вылез из своей бочки. Работали все, включая боцмана; он наблюдал за порядком и заодно стрелял из ружья уток, которых в камышах водилось великое множество. Они здесь были явно непуганые. После каждого выстрела несчастные птицы делали круг над бухтой и возвращались на то же место под ствол его дробовика. Поэтому, когда прозвучал еще один выстрел мы сочли его за очередной по уткам, и не обратили на него внимание. А это был сигнал опасности; из Ак-Мечети примчалась казачья сотня по наши несчастные души. Заметили ее слишком поздно; на шлюпке поднимали на борт уже последний груз, когда всадники высыпали на пригорок в трехстах метрах от нашей стоянки. Стоящий на берегу матрос, бросился в воду и поплыл к судну, но казачьи пули догнали его на полпути, и бедняга исчез под водой. На «Шарлотте» поднимали якоря и шлюпку одновременно; оттуда ответили залпом из мушкетов, кажется, судя по крикам на берегу, они кого-то подстрелили. Наконец, наша единственная пушка швырнула в неприятеля ядром; наводчик, конечно же торопился, прицел был не точен, оно не долетело всего несколько метров до нас. Ядро шлепнулось в ручей и всех окатило водой. Это был спасительный выстрел; холодный душ был очень кстати, он вывел нас из оцепенения, в котором мы находились, наблюдая за происходящим. Нас спасло то, что никто из русских, занятых перестрелкой, не удосужился оглянуться назад, где мы стояли на самом виду, не в силах пошевелиться; ужас перед неизбежным пленом или, быть может, смертью, сковал наши члены. Первым пришел в себя Каспар, он увлек нас в эту самую пещеру, у входа в которую мы сейчас стоим. Последнее, что мы увидели – это был медленно уходящий в море корвет. Второй пушечный выстрел был удачным: на песчаной отмели бились лошади в предсмертных судоро-

гах и валялись люди, может раненные, а может быть убитые. Только мы успели спрятаться, как по вершине оврага с обеих его сторон промчались всадники, они осматривали балку. Хорошо, что вход в пещеру был закрыт густым кустарником: если бы нас обнаружили, то несомненно предали бы скорой смерти, настолько были разозлены русские неудачной попыткой захватить корабль и смертью или ранами своих товарищей. Но все обошлось. Вскоре волнение вызванное боем несколько улеглось, и до нашего слуха донесся топот лошадиных копыт – казаки покинули отмель. Радости нашей не было границ; мы хотели в ту же минуту бежать наверх, подавать сигналы судну, но осторожный Каспар не дал нам этого сделать. Он вышел один и через минуту возвратился мрачнее тучи: ушла только половина отряда, полсотни казаков расположились на отмели, а Шарлотта стоит на якоре почти в полумиле от берега. Надолго ли они остались? Что предпримет теперь капитан нашего корабля? Может быть, казаки здесь остались только до вечера? Но вскоре морской бриз донес к нам аромат солдатской каши, ее готовили на костре, и еще, видимо, они жарили конину; все эти запахи были настолько притягательными, что у нас закружились головы. К моральным мукам прибавились физические: кроме завтрака в наших желудках ничего не было, хотя уже наступило время ужина. Видимо наше отчаяние достигло огромных размеров, коль мы стали всерьез обсуждать план нападения на казаков под покровом ночи. Но это было бы явное безумие: десять человек против пятидесяти, вооруженных ружьями и саблями, а у нас – два пистоля и ножи.

Ветер дул с моря, и он принес от судна звуки пилы и стук топоров. Нам пришло в голову, что они просто имитируют ремонт, чтобы оправдать свое нежелание уходить в открытое море. «Мы потерпели крушение, потому стоим, мы делаем ремонт», казалось, выстукивают топоры и молотки, заколачивая гвозди. Корабль неисправен, какой смысл караулить разбитую посудину: такая мысль явно подавалась противнику. Поверят или нет? неизвестно, но уходить казаки явно не собирались; вскоре их костры погасли, сквозь камыши светился только один, вероятно караула.

Уже совсем стемнело, и мы покинули свое убежище. Уселись на траву на крутом склоне оврага и стали наблюдать за корветом. Он хорошо был виден сверху; там уже зажгли огни, и вдруг один из них замигал условными сигналами. Матрос Лавуазье, единственный из нас понимающий язык фонарей, сообщил, что на судне повторяют всего два слова: «идем» и, как ему кажется, что-то похожее на «ярылгач».

– Ярылгач! – это ведь бухта к востоку от нас, совсем не далеко, пожалуй, меньше десяти миль, идем немедленно! – зашептались матросы. – Очевидно там нас заберут на борт!

Наш корабль описал дугу и медленно двинулся на восток. Что тут началось! Все решили немедленно бежать следом; благоразумный Каспар в очередной раз спас всех от неминуемой гибели. Он попросил нас немножко подождать, давайте посидим немного, посмотрим, что предпримут казаки.

– А чего тут ждать? – возбуждение нарастает все больше, – корабль уйдет без нас, нужно торопиться! При чем тут казаки, они наверняка спят. И кто ты такой, Каспар, чтобы нами командовать?

Но казаки, оказывается, не спали; они тоже заметили маневр «Шарлотты» и двинулись вслед за ней. Для этого им пришлось обогнуть нашу балку; если бы не Каспар, мы бы вылезли наверх, где нас, несомненно, тотчас бы заметили. Должен вам сказать, что это был последний случай и чуть ли не единственный, когда мы пытались послушаться Каспара.

Итак, конница, обойдя наше убежище, двинулась на восток; мы решили идти следом, а там будь что будет; ничего другого нам не оставалось. Если казаки двигались по едва заметной, проторенной, может быть, еще скифами, дороге, то нам пришлось бежать напрямик. Очень часто попадались балки, высохшие русла древних рек, их склоны сплошь поросли колючими кустарниками, которые доставляли нам множество мучений; времени обходить их у нас не было. Берег был высокий, внизу плавно плыли яркие огни «Шарлотты», и мы, как цыплята за

наседкой бежали вслед, не разбирая дороги, зачарованные этими огнями. Юго-западный ветерок вдруг заметно посвежел, и огни заскользили быстрее. На корабле этого, может быть, даже и не заметили, но нам пришлось бежать из последних сил. В какой-то момент мы наткнулись на старую дорогу, нам сразу же стало гораздо легче; может быть, по этой же дороге впереди нас ехали и казаки, но мы об этом старались не думать. Неизвестно, сколько бы мы еще двигались в таком все убыстряющем темпе, если бы не чей-то крик: «стойте! маленький Жюльен исчез!» Действительно, маленький Жульен, названный так за свой рост, свалился на бегу в какую-то заброшенную яму, возможно это был старый засыпанный колодец. Только что взошедшая над горизонтом луна, превратила степную равнину в чередование светлых и темных пятен, так что заметить ловушку было непросто. Нашли мы его по голосу; шел он откуда-то из-под земли, настолько глубокой была яма. Мы вытащили его на поверхность при помощи веревки. И тут же снова чей-то испуганный возглас.

– Смотрите! Огни! Они исчезли! – Действительно, там, где только что светились бортовые огни «Шарлотты», было темно. В неверном свете луны от обрыва до звездного горизонта неясно вздымалась черная громада моря, но на этой безбрежной равнине нигде ни единого огонька. И тут впереди, откуда-то, как нам показалось сверху, появилось темное бесформенное пятно, и оно быстро приближалось. Казаки! Мы стояли на их пути, и времени убежать у нас уже не было; да и куда убежишь в голой степи?! Но тут же у всех мелькнула спасительная мысль, которую тотчас осуществили: мы кубарем скатились в ту же самую яму, из которой только что извлекли Жюльена. Мы лежали на мягком, пахнувшем прелью дне почти четырехметровой ямы и молчали. Затаившись. Лишь только потом, когда все осталось позади, признались друг другу: у многих была одна и та же ужасная мысль, а вдруг нам на голову свалится всадник вместе с лошадей? Лангар, самый большой шутник, заявил, что ему очень хотелось крикнуть: «осторожно, камараде, здесь яма!» Но он не знал, как это будет по-русски, и потому промолчал. Наконец, рядом раздался топот лошадей, громкие возбужденные голоса, затем все стихло. Кое-как мы выбрались из своего убежища; хорошо что сбоку была глубокая промоина и оно не превратилось для нас в западню. Очутившись на поверхности, заговорили все сразу, причем догадки высказывались самые невероятные. Наконец, сошлись на одной, как нам казалось, самой правдоподобной: на Шарлотте увидели, что казаки следуют за кораблем, погасили огни и легли на обратный курс.

К нашей балке мы возвратились уже под утро, настолько далеко убежали за ночь. Казаков на отмели не было видно, так же как и «Шарлотты» в море, но ни одно из этих событий нас нисколько не беспокоило по причине смертельной усталости. После всего, что с нами произошло, мы свалились в мертвецком сне прямо в траву на склоне оврага. Спали до тех пор, пока нас не разбудило довольно высоко поднявшееся солнце. И тотчас же, вместе с нами проснулось и чувство ужасного голода; уже целые сутки у нас во рту не было ни крошки. Даже сознание того, что корабль исчез бесследно, было отодвинуто на второй план: мы хотели кушать до умопомрачения, и все остальное не интересовало. По склону оврага росли невысокие деревца диких яблонь и груш, и мы набросились на их засушенные терпкие плоды. После того, как голод слегка был приглушен, наши мысли вернулись к «Шарлотте». Обсудив несколько версий, остановились на одной, как нам казалось самой вероятной: загруженному до отказа скотом кораблю нет никакого смысла стоять в этом заливе, тогда как их ждут наши войска. Считаем, что нас оставили здесь для кратковременного отдыха. На какой срок? Мы тут же прикинули: пять-шесть дней на дорогу в оба конца, день на выгрузку, итого неделя. А чем питаться эту неделю? Вполне резонный вопрос, но и он, кажется, разрешим; пока мы спали, Каспар вырезал из кустарника полдюжины крепких удилиц, теперь ему нужно столько же булавок. Следует заметить, что сей атрибут всегда имеется на рубашке любого суеверного моряка. Пока Каспар мастерил удочки и прилаживал к ним крючки, мы принялись копать червей. Вскоре трое из нас отправились на рыбалку, остальные под руководством того же Каспара принялись сооружать

сеть. Следует заметить, что у каждого из нас на поясе кроме ножа были приторочены мотки тонкой крепкой бечевы: связывать ноги овце перед тем, как отнести ее в шлюпку. Выбрав ровную площадку, мы заколотили в нее множество колышков, затем принялись соединять их в продольном и поперечном направлениях тонкими нитями из распушенной бечевки; мы надеялись получить сеть с мелкими ячейками. В это время вернулись наши рыбаки и притащили довольно внушительный улов: почти десяток крупных рыб и много мелочи. Нашему ликованию не было границ. Срочно развели костер и на его углях испекли рыбу, которую тут же поглотили с величайшей жадностью. У родника, прямо под ветвями кустарника тем сумасшедшим утром мы обронили ведро, которым наливали воду в меха. Теперь из мелкой рыбы мы вполне сможем сварить ухи на ужин. Наше положение начинало вырисовываться в более радужном свете уже потому, что терзавший наши желудки голод был усмирен. Но оно требовало дальнейшего обсуждения. Первым выступил Гильом; среди нас он считался самым грамотным и знатным. Он окончил Сорбонну перед войной, и по происхождению дворянин. Гильом предложил: для того, чтобы был порядок, избрать старшего. Раздались одобрительные возгласы с упоминанием его имени. Считая вопрос со старшим решенным, он сказал, что следует прекратить эту дурацкую затею с плетением сети, а просто изготовить еще пяток удочек и все. Это предложение было подхвачено почти единогласно; уж больно кропотливым и нудным оказалось это занятие – вязание узелков. Возразил лишь Лавуазье, который плавал когда-то на рыболовецком судне. «А известно ли вам, если ветер завтра подует с другой стороны, то ты можешь сидеть со своей удочкой хоть сутки, но ни одна рыбка у тебя не клюнет?» Его никто не поддержал, никому не хотелось выполнять работу от которой болели спина, шея и пальцы. Тогда слово взял Каспар. Он тоже слышал, что бывает такое направление ветра при котором рыба не желает клевать, но не в этом загвоздка. Все дело в том, что сеть мы поставим с наступлением темноты, а вытащим до восхода солнца, иными словами, мы это сделаем незаметно, вот что главное. Не нужно обольщаться, что мы здесь в безопасности. Если нам с отмели видна дорога, ведущая в Ак-Мечеть, то наверняка сверху также можно заметить рыболовов, сидящих на отмели. А это значит, что нас поймают еще до возвращения «Шарлотты». Насчет того, что старшим будет Гильом я ничуть не возражаю, но сеть я доплету сам. И он тут же принялся за работу, к нему присоединились Лавуазье и я, а вскоре и Жульен. Остальные, вволю позлословив над нашим пустым, на их взгляд, занятием, с наступлением сумерек отправились к морю с удочками. Мы еще не уснули, как стали возвращаться по одному наши рыбаки без улова, но зато чертыхаясь на все лады. Оказывается, после того, как они забросили удочки, к берегу пригнало огромное пятно водорослей, и невозможно стало понять в этой каше, что там происходит с поплавком. Налетевшие комары завершили разгром рыбацкой артели.

ВТОРОЙ КАМЕНЬ

Утром они единодушно, при молчаливом согласии Гильома, попросили Каспара принять командование отрядом и выразили желание продолжить изготовление сети. Но Каспар оставил вязать узелки троих самых молодых (у них пальцы гибкие), остальных отправил собирать сухие ветки и складывать в одну из пещер. Все недоумевали: к чему это? но повиновались, пусть даже неохотно. К вечеру сеть, наконец, была готова, ее тут же поставили, а перед самым рассветом вытащили и возликовали; она была полна рыбы, преимущественно крупной; часть ее пошла в пищу, остальную развесили для сушки. Следует заметить, что наш командир развил слишком бурную деятельность по обустройству лагеря; мы все не могли понять к чему все это, если до прихода судна оставалось четыре дня. В первый же день он потребовал всех сдать ему спички и соль, причем в самой категорической форме, и заставил дежурить по очереди: наблюдать за горизонтом и дорогой, которая вела к Ак-Мечети. Он проверял дежурных по ночам, и мы удивлялись, когда он спит сам. Еще одну пещеру мы наполнили сухими водорослями, предва-

рительно каждый камень в ней мы полили кипятком, что было для нас совершенно непонятно. На третий день нас начало подташнивать от приготовленной на костре рыбы, а на четвертый – мы не могли на нее смотреть. Единственное, что утешало, так это мысль о том, что мучиться нам осталось совсем не долго, от силы два-три дня. Теперь мы дежурить соглашались безропотно. Так или иначе, две последние ночи никто из нас не мог уснуть, до рези в глазах всматривались в темноту: не мелькнет ли там наконец спасительный огонек. Но все напрасно, ночь оставалась непоколебимой в своей пустой жестокости. День показывал себя таким же беспощадным: горизонт был чист, нигде ни мачты, ни паруса. Все помрачнели, почти перестали разговаривать друг с другом; казалось, достаточно одного неосторожного слова, одной искры, чтобы произошел взрыв.

И тогда Каспар выступил перед нами с первой своей речью.

– По нашим подсчетам «Шарлотта» сегодня должна уже быть здесь, но так ли безупречны они, эти выкладки. Мы ошиблись, определив срок в пять – шесть дней, что справедливо лишь для попутного ветра. Но он не всегда был таким, поэтому время в пути необходимо удвоить. Будет вам известно, что это все просчитал наш славный Марен, как вы знаете, он всю жизнь провел на палубах судов.

Мы устали на Марена Лавуазье, который невозмутимо покурил свою трубку.

– Да, при встречном ветре приходится все время менять галс, а это очень тяжелая работа; Каспар предлагает те дни, что мы рассчитали, умножить на два, а по-моему, их следует утроить, ведь десять пар самых крепких рук остались здесь у этой злополучной Ак-Мечети. Неужели вы думаете, что там, в Севастополе на «Шарлотту» направят трудоспособное пополнение?

Нет, мы так не думали, мы знали, что наша доблестная армия, несмотря на ее многочисленность, уже почти на одну треть состояла из больных и увечных. Но от этого было не легче, ведь нам предстояло торчать в этой чертовой балке еще не менее десяти дней. Хотя, если признаться честно, то первые дни нашего невольного заключения мы перенесли довольно легко, с беззаботностью молодых людей, для которых тяжелая работа на корабле с бесконечным лазаньем по вантам, и с такой же бесконечной перетяжкой оснастки, временно закончилась. Следует заметить, что и ночью на суше было не намного легче: сперва приходилось бегать как угорелому за необычайно быстрыми и верткими овцами, а после поимки начиналось самое трудное: нужно было связать животное, которое сопротивлялось изо всех сил. И мы узнали, что рога и копыта этих тварей по твердости нисколько не уступают железу. Наши ноги, руки и туловища после двух-трех ночей промысла покрылись синяками и кровоподтеками. Если же попадался баран, то в одиночку не стоило с ним даже связываться, иногда он выходил победителем в схватке даже против двоих. Теперь же мы целыми днями купались и загорали: море и воздух были довольно теплыми, так как весна была ранняя. Наши иссиня-черные пятна на теле исчезли и сменились ровным загаром. Зажили даже наши многострадальные ладони, пострадавшие раньше от грубых веревок, которыми приходилось скручивать овечьи ноги. И особенно от колючек, которых в шерсти было, как нам казалось, больше, чем самой шерсти. Ко всему у Гальмара оказалась колода карт, а Каспар вырезал из дерева сперва пашки, затем и шахматные фигуры; доски изготовили прямо на земле из белой и черной гальки. Развлечений у нас, как вы видите, хватало, а единственный труд: ловля рыбы и заготовка дров для костра, был совершенно не в тягость. Хуже обстояло дело с пищей, как я уже говорил, нас затошнило от жирной рыбы, к сожалению худая в этом море, по всей видимости, не проживала вовсе, по крайней мере, нам она не попадалась. С помощью силков, которые научил изготавливать все тот же Каспар, мы стали охотиться на птиц, но утки, пойманные с их помощью, оказались еще более жирными, чем рыба. Все наши беды крылись в одном: в отсутствии хлеба. Мы с надеждой взирали на командира, но теперь начали думать, что он все же не всесилен.

Но однажды Каспар разложил на песке пучки различных трав, которые в изобилии росли вокруг нашего оврага.

– Скажите, месье Гильом, вам ведь приходилось в вашей Сорбонне изучать ботанику, не так ли? – Каспар в прошлом сельский житель, поэтому уважительно относится к ученым людям, – и вам, может быть, известно как называются эти травы?

– Так, сейчас посмотрим, ведь я магистр ботаники и, одновременно, бакалавр истории; я могу вас заверить, что люди выпекали хлеб раньше, чем научились его выращивать. – Гильом уже догадался, что хочет от него Каспар. Он перебирает пучки, бормоча себе под нос, – так, это мятлик, это овсюг, житняк, это не то. Почему-то здесь чабрец, калган все не то... Стоп, а вот пшеница цилиндрическая, видимо, как раз то, что вы ищете, месье Каспар.

Скептик и сквернослов, каким был еще минуту назад Гильом, на наших глазах превратился в вежливого солидного ученого. Теперь Каспар ведет нас посмотреть его находку: плоский каменный круг, почти метр в поперечнике. Да, это он, жернов, подтверждает магистр, вернее его половина, требуется еще один, такой же или поменьше. Каспар делает заявление: кто найдет второй камень, будет освобожден от ночного дежурства. Но для поисков мы должны использовать свое личное время, а сейчас точим ножи и отправляемся на сбор урожая дикой пшеницы, она большими очагами чередуется с куртинами полыни и ковыля по краям нашей и других, таких же балок, которых здесь несколько; теперь мы внимательно осматриваем их склоны и основания. Нами движет не сомнительное счастье освобождения от дежурства, а страстное желание проглотить хотя бы кусочек хлеба. Маленький кусочек хлеба, который мы все без исключения, держали в руках, а некоторые счастливчики даже вкушали его в наших горячечных сновидениях. И командир правильно уловил наши настроения: тому, кто найдет второй камень – двойная порция хлеба ежедневно. Мы уже собрали много семян злака, но что толку, нам никак не удастся превратить его в муку; попытка сделать второй жернов заканчивается неудачей. Нужен топор, которого у нас нет, у нас только бессильные против камня ножи. Время идет, все мы заняты поиском подходящего камня, но все напрасно: нам попадаются только круглые булыжники, и ни одного плоского. Потихоньку наш энтузиазм гаснет, и мы прекращаем поиски, только Лангар и маленький Жульен бродят где-то по дальним оврагам.

Теперь командир придумал для нас новое занятие – мы режем камыш и плетем из него циновки. Мы опять возмущены бесполезной работой, как раньше заготовкой водорослей. Кажется зреет откровенный бунт: нет корабля и нет хлеба, заканчивается соль, осталось чуть больше десятка спичек. Каспар хмурится, он выкладывает свой последний козырь. Он напоминает нам о том, что мы слышали в последний вечер: звуки пил и топоров, доносившихся с фрегата. Почему бы нам не предположить, что на «Шарлотте» действительно произошла поломка и теперь ее устраняют, где-нибудь в севастопольской бухте. Мы нехотя согласились, но уже на следующий день внезапно вспыхнул новый конфликт. Утром как обычно мы окунулись и отправились завтракать, за исключением Ронседа, который отплыл почти на сто ярдов от берега, что запрещалось нашим уставом. Впрочем, дисциплина среди нас потихоньку падает. Матрос долго лежал на спине, наблюдая за чем-то, видимым только ему одному, потом вдруг быстро поплыл к берегу и бросился к нам, спотыкаясь и падая, выкрикивая при этом что-то нечленораздельное. Мы вскочили, настороженные, готовые немедленно скрыться в пещере.

– Каспар! – кричал Ронсед, – Каспар, нас предали! Нас бросили здесь! нас просто бросили! Оттуда видно все как на ладони.

– Что видно? Откуда? Успокойся и расскажи, что ты там увидел, – попросил его командир.

– Вы видели, где я лежал на спине? Я понимаю, это запрещено, но мне давно хотелось узнать, что было видно с капитанского мостика «Шарлотты» в тот злосчастный день. И я лежал примерно на том же самом месте, где стоял на якоре наш корабль. Лежал и смотрел туда, откуда на нас налетели казаки. И увидел, наконец, темную точку, которая приближалась, то появляясь на пригорке, то исчезая в низине. Вначале трудно было понять, что это такое, но после отчетливо стало видно – это был всадник. Каспар, один единственный, который ехал довольно долго.

Я наблюдал за ним целых пятнадцать минут, и за это время он едва ли проскакал половину пути. Каспар! Один всадник был виден с того самого места, где стоял корабль. А ведь к нам мчалась сотня! Целая сотня, Каспар, пыль от такого отряда наверняка была видна за целую милю. – Лицо матроса побледнело, и он продолжал, хлебнув из фляги воды. – Дорога к нам одна, я видел ее с нашего борта, когда подходили к берегу, другой нет. Значит, казаки двигались к нам, если не около получаса, то двадцать минут наверняка! Для того, чтобы сесть в шлюпку и причалить к судну нам даже пяти минут предостаточно. Но мы их не видели! Почему? Нам на берегу ничего не было видно; одни набирали меха, другие таскали их к шлюпке, и видеть могли только эти камыши да отмель за ними. Те, шестеро в шлюпке, когда шли к берегу, сидели к нему спиной, где, как известно, глаза не положены; двигаясь же к судну, могли созерцать лишь кучу мехов, сваленных перед ними. Грузились мы с борта, откуда вообще ничего не просматривалось, кроме внутренней палубы. О тех, кто внизу таскал воду в трюм говорить нечего, кроме неба – ничего. Кто же мог все видеть, скажите мне, кто?! – Бледное до сих пор лицо Ронседа начинало набирать пунцовые тона. – Сигнальщика с мачты отправили вниз, таскать меха. Зачем? Без его помощи мы бы справились на полчаса позже. Кто один мог видеть летящих к нам казаков? Кто стоял на мостике и обязан был смотреть вокруг, потому что мы на войне, вдобавок в глубоком тылу у неприятеля. И он, наверняка, все видел!

Мы все отчетливо представили себе нарисованную Ронседом картину: все таскают меха с водой, все заняты настолько, что даже вверх глянуть нет времени, а на мостике стоит один человек – капитан Самуэль Дюбуа, мой дядя. Человек, который видит приближение врага и молчит. Но почему?

– И это все из-за него, этого сопляка! – взревел окончательно налившийся кровью Ронсед и скрюченными пальцами указал на меня, – Самуэлю нужно было, чтобы он остался здесь! Во Франции он претендент на наследство. Я убью его! – Он вытащил нож и, размахивая им, двинулся в мою сторону. В ответ я выхватил пистоль, взвел курок и направил ему в голову.

– Еще один шаг!

Между нами стал Каспар; за ножи схватились еще несколько человек, тогда Каспар достал пистоль и стал рядом со мной, вслед за ним это сделали Лавуазье и Жульен с ножами. Четверо против семерых? Но нет, первым одумался Гильом.

– Опомнитесь! В таком положении нам не хватало только перерезать глотки друг другу. Я уверен, что месье Каспар давно заподозрил неладное, да и не только он. Я и Лавуазье стали догадываться об этом, как только мы начали запасать дрова, плести циновки и собирать злаки. Я уверен, что командиру все известно, думаю, что пришло время рассказать и нам о том, что нас ждет. Но, признайтесь нам, месье Каспар, когда вы догадались, что нас бросили?

Каспар заподозрил неладное, как только боцман стал стрелять уток в камышах. Мяса у нас было предостаточно; только в первый день мы вынуждены были прирезать четыре овечки, и неизвестно, сколько их будет еще. Неужели, капитан послал боцмана палить из ружья лишь затем, чтобы кто-нибудь, проезжающий мимо, услышав стрельбу, донес в Ак-Мечеть? Но вскоре капитан отозвал стрелка, и подозрение отпало само собой. Оказывается, дело уже было сделано, и он просто боялся потерять боцмана. Но обо всем этом Каспар расскажет нам гораздо позже, а сейчас он решил дать один малюсенький шанс капитану и, следовательно, и всем нам.

– Постойте! – воскликнул он, – капитан такой же человек, как и мы все, с такими же слабостями, как любой из нас. Он мог на эти полчаса чем-нибудь отвлечься, присматривая за нашей работой, задуматься, задремать, в конце концов.

– И что, совсем не наблюдать за горизонтом? – спросил Ронсед.

– Нет, почему же, можно наблюдать, но ничего не увидеть. Вы сами сказали о том, что всадник поднимался на вершину холма, а затем спускался в низину. Как раз именно в тот момент, когда сотня была в балке, капитан мог смотреть в сторону Ак-Мечети. Вы говорите

пыль? Но ведь мы не раз наблюдали вихри, несущиеся по степи и поднимающие над собой тучи пыли.

– Особенно часто они случаются на разделах моря и равнины, поверьте мне, старому моряку, – вставил Лавуазье.

– Хорошо, а стрельба на уток, когда у повара на камбузе полно мяса? – не унимался тот же Ронсед.

– И это тоже объяснимо. Скажи нам, Александер, – обратился к одному из моряков Каспар, – я видел, что ты частенько отдавал свою порцию баранины соседям, это еще почему?

– Потому, что я, зачастую, не могу переносить даже ее запах, а о том, чтобы взять в рот, не может быть и речи, – ответил тот, – правда, бывают и исключения, сам не знаю почему.

– Вы утверждаете, что синьор Дюбуа не ест баранину? – спросил кто-то из матросов.

– А вы совершенно не допускаете такую возможность? – вопросом на вопрос ответил командир. – Утверждать что либо не имею права: я не имел чести присутствовать на обеде в его каюте.

Мы невесело засмеялись; действительно, капитан всегда обедал в каюте один, чем потчевал его повар-алжирец, нам было неизвестно.

Только я хотел открыть рот, как Каспар толкнул меня локтем. Мне стало ясно, что мой гувернер нарочно уводит нас от истины: ему хорошо известно пристрастие Самуэля к блюдам из баранины, дядя нередко обедал в нашем доме. Сейчас нам предстояло решить вопрос: что делать дальше. Ждать возвращения корабля или предпринять поход в Севастополь. Мы пытались выяснить, какие шансы на то, что «Шарлотта» все-таки вернется. По версии Гильома корабль не мог долго стоять в заливе. Это могло вызвать падеж овец, и казаки тоже не сдвинулись бы с места, пока видели их, стоящих на рейде. Следовательно, они должны были уйти на базу. Возвратятся ли они снова? Несомненно. Вопрос продовольственный сам по себе решиться не мог, наоборот, со временем он становился все острее. Если допустить, что с «Шарлоттой», действительно, что-то произошло, то в рейд будет отправлен другой корабль, но команду, вне всякого сомнения, наберут с нашего корабля; опыт предыдущих экспедиций сыграет свою роль. Нашим товарищам по команде хорошо известно место, где они нас оставили. Здесь мы их и будем поджидать. Основной аргумент против похода на Севастополь – это весьма смутное представление о том, в какой стороне он находится. Между нами и Евпаторией лежит голая степь, где нас немедленно обнаружат. К тому же сама Евпатория окружена русскими казаками. Если идти ночью, неизвестно, куда мы выйдем. Расспрашивать дорогу у населения безумие, нас тут же схватят. Значит нужно ждать.

Мы снова принялись заготавливать хворост, а Лавуазье и маленький Жульен возобновили поиски жернова. И однажды Марен пришел один, без напарника. «Мы с Жульеном разделились – он обыскивал ближнюю, а я дальнюю балку, – объяснил нам испуганный матрос, – когда я возвращался, его там не оказалось, и я подумал, что он ушел, не дожидаясь меня». Мы помчались в указанный овраг; уже начинало темнеть, но балка была пуста. Рассыпавшись цепью, стали обыскивать все закоулки, громко крича, вскоре, откуда-то из-под земли, послышался слабый голос. Маленький Жульен оказался верен себе – он снова провалился в какую-то яму. Мы бросили ему веревку, а когда на поверхности появилось нечто каменное и круглое, сперва оторопели, потом возликовали: оказывается, это было именно то, что мы столь долго разыскивали. Это был второй камень, верхний жернов; в нем было три отверстия, в центральное мы сыпали зерно, а в крайние вставили деревянные ручки, за которые и вращали его. На следующий день каждый из нас получил по небольшому кусочку лепешки; они были, несомненно, из муки крайне грубого помола, и неловко слеплены: но как они благоухали! И какой был у них неподобный чудесный вкус! Ничего более вкусного никто из нас до сих пор не пробовал прежде, да и потом по прошествии многих и многих лет мы все помнили неповторимый вкус этого необычного хлеба. Согласно обещанию Жульен получил двойную порцию. Теперь

он был настоящим героем дня, потому что второй раз уже становился нашим спасителем. Но для этого он должен был проваливаться в яму. Наш ученый Гильом обследовал утром это место, как он и предполагал, под ним был резервуар для хранения зерна. Гигантский керамический кувшин оказался до половины наполненным ячменем; когда сняли верхний истлевший слой, изумились: ниже лежало чистое отборное зерно. Сколько оно здесь пролежало, узнать невозможно; кувшин был закупорен так, что исключалось попадание в него влаги, насекомых и мышей. Радости не было границ: теперь хлебный вопрос решен раз и навсегда. Мы пекли ячменные лепешки, а неугомонный Каспар организовал выпаривание соли из морской воды. Как-то в окрестности нашей балки мы отыскивали растение, его сладковатые клубни напоминали картофель. Мы снова принялись за рыбу и уток; желудки наши успокоились, и жизнь стала потихоньку налаживаться.

Однажды дежурный поднял тревогу: на горизонте появилось парусное судно. Нашему волнению не было предела; мы тотчас сложили хворост в огромную кучу. Корабль постепенно вырастал в размерах; у нас не было никакой оптики, чтобы лучше рассмотреть его, однако опытный Лавуазье уже установил, что это не «Шарлотта», а судно несколько меньших размеров, каких немало имелось в нашей эскадре. По его расчетам через десять минут корабль поравняется с нами, расстояние до него около мили, и мы еще очень хорошо видны в лучах заходящего солнца. Мы зажгли костер; дрова были сухие, и пламя взметнулось, как нам показалось, под самые небеса. Кроме этого, мы размахивали горящими головешками и подбрасывали их вверх. Отдельно мы устроили рядом еще одно огнище из полусухого камыша и подвяленной травы; густой столб белого дыма поднялся более чем на десять метров. В довершение всего мы дружно орали нечто невообразимое, совершенно забыв об опасности, которой мы подвергали себя этими сигналами. Корабль продолжал идти вдоль берега, и мы отчетливо видели снующих по вантам матросов, они подготавливали маневр, несомненно к берегу, и с замиранием сердца ожидали завершения спасительного поворота. Вдруг, поравнявшись с нами, судно повернуло в противоположную сторону и стало удаляться на север. Я не могу описать всю ту силу отчаяния, охватившего нас. Пораженные увиденным, мы молчали, бессильно опустившись на землю. Самые молодые из нас, и я в их числе, просто зарыдали. Солнце быстро погрузилось в морскую пучину. Вокруг опустились сумерки, поглотившие само видение нашего последнего шанса на спасение. Костер догорал, потрескивая и разбрасывая яркие искры. В нем сторели не только все наши надежды, но и почти весь запас дров на случай непогоды.

Словно подсмотрев постигшее отряд несчастье, природа тут же ополчилась против нас. Небо зарядило мелким бесконечным дождем, и теперь отыскать сухой хворост стало проблемой. Ночью со стороны моря тянуло такой промозглой сыростью, что мы просыпались от холода, несмотря на предусмотрительно заготовленные сухие водоросли и циновки. Утреннее замешательство, возникшее в связи с отсыревшими спичками, перешло в полемику: как быть дальше. Мы заговорили все разом и смотрели на Каспара, ожидая, что он скажет.

– Да, вы правы, на моей палке тридцать восьмая зарубка: за такое время «Шарлотта» могла обернуться, пожалуй, не менее трех раз. Значит, она или потерпела крушение, или...

– Или война закончилась, – неожиданно выпалил Гильом.

– Такое тоже возможно, – продолжил Каспар, – и я согласен, нам нужно уходить, но куда?

– Пойдем в Ак-Мечеть и там сдадимся, – предложил Лангар, – пусть нас отправят в лагерь военнопленных. Только скажут, где он, этот лагерь, мы сами туда пешком пойдем.

Предложение Лангара было поддержано большинством.

– Боюсь, друзья, что слово военнопленные к нам может и не подойти, – остановил нас Каспар, – ведь мы сейчас в глубоком тылу, и должны будем признаться, чем мы здесь занимались. А к нашему занятию подходит одно единственное, причем не совсем хорошее слово – мародерство. Возможно казаки, которым мы сдадимся, никуда нас не отправят, а по законам военного времени казнят на месте; о том, что война закончилась, здесь еще могут и не знать.

Думаю, что нужно идти в ближайшую деревню и там попытаться узнать дорогу до Евпатории, там ведь кроме турок, должны быть и французские войска. Может проводника уговорим, у нас ведь двое карманных часов, кто-нибудь вдруг и согласится.

Решено было наловить рыбы в дорогу и напечь хлеба. Но в их планы снова вмешалось providение – ночью Жульена укусила гадюка. Каспар высосал кровь из укушенного места и прижег ранку раскаленным в костре кончиком ножа, но это не помогло; к полудню лодыжка бедного юноши распухла до угрожающих размеров. Глядя на его посеревшее лицо, Каспар объявил: собираемся, вечером уходим.

Вышли после захода солнца, прихватив нехитрые пожитки: циновки и сушеную рыбу. Сделали большую дугу, обходя Ак-Мечеть, чтобы не нарваться на казаков, рассчитывая к утру выйти на южное побережье Тарханкута. Тьма была кромешная, в небе ни одной звезды; шли осторожно, почти наощупь. Жульена несли на носилках, сделанных из невода и двух палок. Откуда-то к нам донесся приглушенный лай собак, и мы пошли на этот звук. По расчетам Лавуазье справа от них должна быть деревня Караджа; они видели, когда проплывали мимо, у причала рыбацкие лодки. Вот, если нам повезет, то в Евпаторию можно уйти на веслах. Кроме собак стали слышны и петухи, и вскоре они оказались в центре небольшой деревушки из четырех десятков домов. Обессиленные переходом, мы опустились на траву на небольшом холмике в центре села. Первыми нас обнаружили несколько дворняжек; они подняли истошный лай и не успокаивались до тех пор, пока каждая не получила по сушеной рыбешке. После угощения они улеглись поодаль, ворча и настороженно поглядывая на пришельцев, готовые в любую минуту поднять тревогу. Затем появились несколько женщин, они также настороженно вглядывались в незнакомых людей.

Каспар произнес хорошо известное ему русское слово – хлеб, и показал на открытый рот.

Женщины ушли, затем возвратились; они принесли с собой хлеб, (настоящий хлеб!) вареные яйца и молоко. Боже, какой это был пир, я просто не могу вам передать!

– Вы кто такие? – нам показалось, что так спросила одна из них.

– Франсе! – ответил за всех Каспар, – солдаты! Франция!

Женщины оживленно стали обсуждать услышанное; несколько раз было произнесено одно и то же имя, и за кем-то тотчас было отправлено двое мальчишек, из числа уже обступивших место событий. Мы заканчивали свою трапезу, когда появилось новое действующее лицо. Этот человек еще не стар, но он сильно хромотал, опираясь на палку. Когда он подошел, мы заметили, что у него нет кисти руки, а вместо глаза и уха один ужасный шрам на все лицо. Приблизившись, он выронил палку и упал на колени, протягивая к нам руки и выкрикивая нечто, как нам показалось, не понятное и самим русским женщинам. Калека принялся трогать каждого из нас единственной рукой, на которой были не все пальцы, он гладил наши плечи, руки, волосы, говорил что-то ласковое беззубым ртом, заглядывая каждому в лицо единственным глазом, из которого непрерывно катились слезы. Нам он показался безумцем. Он пытался силой затащить некоторых женщин в наш круг, хватая каждую здоровой рукой и культей укачивая на кого-нибудь из нас, те неистово отбивались и тоже плакали. Наконец, им удалось увести его прочь.

Вскоре, в сопровождении восторженных ребятишек, появилась высокая светловолосая женщина. По тому, как все умолкли, можно было предполагать, что в лице этой женщины, причем необычайно красивой, явилось некое начальство. Так оно и оказалось; перебросившись несколькими словами со своим окружением, она обратилась к нам по-французски. Мы вначале опешили, а затем обрадовались: еще бы, сама начальница, староста этой крошечной деревни великолепно говорит на французском языке. Уже одно это вселило в нас самые лучезарные надежды; мы спасены, весело говорили друг другу, хотя и не представляли совершенно, как это произойдет. Каспар и Жульен остались на попечении мадам Марии, а нас тут же отвели к кузнице, где под дощатым навесом лежала большая куча сухой травы; так мы узнали второе

русское слово – сено, по нашему «фои», первое был – хлеб. Мы тотчас погрузились в блаженный сон на ложе, пахнущем полынью и чабрецом. Проснувшись, мы уловили приятный запах чего-то необычного – это был борщ: блюдо, совершенно не укладывающееся во французские кулинарные рамки, и третье русское слово, вошедшее в наш словарь.

Наконец, пришел Каспар, и мы тут же засыпали его всевозможными вопросами. Самый важный из них: далеко ли до Караджи? Неизвестно? Все равно, сейчас же следует выходить; выпались, наелись, чего еще нужно? Эти лодки наверняка конопатить придется, так что, двигаемся, командир. Каспар молчал; он как-то странно смотрел на нас и почему-то отводил взгляд в сторону. Самый проницательный среди нас, Гильом, наконец, догадался.

– О, извини, командир, ты ведь совсем не отдыхал, как же мы, олухи, забыли об этом. Так, сейчас шесть вечера, выйдем в девять, пожалуй, за три часа тебе удастся восстановить силы, верно?

Каспар по-прежнему молчал, только теперь он низко опустил голову и не говорил ни слова, и когда поднял к нам лицо, мы увидели, что его глаза полны слез.

– Ребята, братцы... – негромко прошептал он, – нам некуда идти. Война закончилась, и корабли погрузили армию и отбыли к берегам Франции. Теперь, похоже, нас действительно бросили. Нам некуда идти... – голос его прервался, он не мог сдержать слезы. Все молчали, сраженные этим страшным известием.

– Но может еще хоть кто-то остался? Хоть один корабль? Единственный? – воскликнул Ронсед.

– Нет, последний корабль из Евпатории ушел три недели назад, об этом сообщили пастухи, а когда из Севастополя, неизвестно, но скорее всего они все ушли одновременно, – ответил Каспар.

– Что же нам теперь делать, Каспар?

– Пока не знаю. Сутки Жульен должен пролежать неподвижно, так определила старушка, которая его лечит. Пока он лежит, Лавуазье и Лангар отправятся в Караджу, посмотрят лодки, если найдется подходящая, попробуем уйти морем на Болгарию. Староста говорит, что здесь, напрямую, около пятидесяти лье.

– Напрямую шлюпкой не ходят, – возразил Лавуазье, – налетит шторм, потопит. Нужно идти вдоль берега, будет вдвое дальше, но надежнее. Десять пар крепких рук, все одно за месяц доплывем.

На этой оптимистичной ноте мы расстались. Лавуазье и Лангар отправились к взморью, а Каспар к старосте на совет. Меня он прихватил с собой, так как последнее время не оставлял меня в нашей кампании одного. И я на всю жизнь запомнил этот разговор двоих, впоследствии ставших мне самыми близкими, людей.

Во дворе старосты под развесистой шелковицей стоял стол с самоваром. Приборов было два – меня, конечно, здесь не ожидали.

– Я привел с собой юношу, вы не возражаете, мадам, против его присутствия? – извинился наш командир.

– Нет, не возражаю. Сколько тебе лет молодой человек? – услышав ответ, она задумалась, – зачем в таком возрасте он ввязался в эту гадость? Я имею в виду войну, месье Каспар. И хочу вам сообщить, что в русских деревнях все говорят друг другу ты, поэтому будем, как проще. Итак, что ты решил?

– Пока конкретно, ничего. Двое наших отправились посмотреть лодки, и решение мы примем после их возвращения.

– Могли бы и не ходить, лодки там негодные. Хотя, действительно, так даже лучше, если убедитесь в этом сами. Сейчас ты сказал: мы примем решение, но учти, коллективное решение не всегда самое правильное. Чаще всего, наоборот; иногда его, вообще, скопом принять

невозможно. Поэтому ты его должен принять сам. Обдумать, взвесить все за и против и после этого предложить остальным. Ты как считаешь?

– Согласен. Но у меня в голове нет ни одного варианта. Учти, я до сих пор жил только во Франции, и совершенно не понимаю той обстановки, которая сложилась вокруг. Если отпадает лодка, то тогда, что взамен? Пешком? Куда, в какую сторону, через какие страны? Мои знания в географии весьма скудны, примерно знаю, где Испания и еще Африка. Если идти пешком, то до ближайшего порта, откуда можно попытаться отплыть во Францию. Но где они в России, подскажи?

– Наши порты на юге, скорее всего, сожжены, как и корабли в них. Ваши суда придут к нам когда-нибудь, но когда, этого никто не знает. И кто возьмет вас на корабль, в качестве кого, если вам нечем будет заплатить за проезд?

– Мы можем завербоваться матросами, это нам знакомо.

– И остаться на этих кораблях навсегда. Мой муж был моряком, по его рассказам такое случается, и довольно часто.

– А твой муж сейчас где? – поинтересовался мой гувернер, и тут же пожалел о своем вопросе, увидев, как потускнело лицо Марии.

– Мой муж и мой сын остались лежать там, на Альме. Оттуда из восемнадцати мужчин нашей деревни вернулся всего один человек, и то его трудно так назвать, скорее, это обломок человека.

– Простите, я не знал, – Каспар перешел на «вы», – я тоже был на этой ужасной речке, наших там полегло много, хотя это не утешение.

– Мне не нужны ничьи утешения. Вас никто не просил приходить к нам, на нашу землю, чтобы погибать на ней, при этом убивая русских людей, – довольно резко ответила староста.

– Не думайте, что я добровольцем пошел воевать или кто-то из нас сам отправился в Россию. Нет, мы все солдаты, и посланы сюда императорским указом. Вряд ли, кто рискнул бы послушаться. Хотя, постой, были и добровольцы, вот один из них, за твоим столом.

И мой гувернер улыбнувшись, кивнул в мою сторону. Женщина не приняла его улыбку, и осуждающе взглянула на меня.

– Мой сын тоже ушел добровольцем, ему еще не было и семнадцати, но его позвала любовь к своей родине. Но мы сейчас не об этом. Завтра я жду решение, – Мария встала, давая понять, что разговор окончен. Каспар тоже вскочил; они стояли друг перед другом, оба высокие и красивые; широкоплечий Каспар и стройная тоненькая Мария. И смотрели друг другу неотрывно в глаза, и мне показалось, что я увидел нечто странное в их взгляде.

– Ты можешь услышать решение уже сегодня: мы уходим. Если можно, то найди хоть какую-нибудь карту, мне бы только взглянуть в какую сторону следует идти, и я был бы очень благодарен.

На обратном пути мой гувернер долго молчал, и мне стоило немалых трудов его разговаривать. Я узнал, что Мария раньше жила в Евпатории; ее родители из обедневших дворян. Она учила французскому языку детей из богатых семейств. Все было хорошо, пока она не встретила любимого человека, простого моряка. Родители были категорически против столь неравного брака, и молодым людям пришлось бежать в Кунан. Они поселились в доме, который достался ему в наследство от родного дяди. После ухода мужа на войну стала старостой по просьбе жителей и благословения ак-мечетского священника. До этого пост старосты занимал ее супруг.

Утро Каспар начал с откровенной беседы. Я догадался, что, несмотря на совет Марии принять единоличное решение, мой наставник остался верен своим принципам: все обсуждать с товарищами. Может поэтому они ему охотно подчинялись, даже понимая, что он простой крестьянин в должности слуги при графском сыне? У него был настоящий талант организатора, и он очень многое знал и умел из того, чего не знали и не умели более именитые по про-

исхождению и положению в обществе остальные члены команды. Пока что обсуждается пеший вариант. Слово взял Гильом.

– Если мы двинемся через перешеек, то можем добраться до Австрии через Бессарабию и Валахию, но вряд ли нас пропустят в Малороссии, так как мы воевали против них. Путь к туркам через Тамань короче, но опаснее, так как будет лежать через Кавказ, где горцы ведут бесконечные войны друг с другом. Без проводника соваться к ним крайне опасно. И неизвестно еще, как мы переправимся на Тамань.

– Значит, двинемся через Россию, мне кажется, что русские не станут чинить нам особых препятствий, – сказал командир.

Корни этого решения кроются в личном опыте общения Каспара с русскими; под Севастополем он попал в плен, где пробыл почти три месяца. После этого у него остались самые лучшие впечатления, о чем он охотно рассказывал нам, во время сидения в нашей балке. Русские делились с пленными своим нехитрым харчем и табаком, не обижали и не притесняли особо, поручая им уход за лошадьми, заготовку дров для костра и прочие мелкие дела. А после Инкерманского сражения их вовсе отпустили. Он рассказал нам о русском гренадере, который притащил на спине с поля боя тяжелораненого нашего офицера и попросил врача оказать ему помощь, но было уже поздно, и бедняга скончался у него на руках. «Жаль, что мы его не сумели спасти. Этот француз, судя по всему, был очень набожен, – заявил русский, – он так неистово крестился и творил молитвы, будучи израненным. Солдат похоронил его собственными руками и устроил даже нечто наподобие надгробия. С тех пор Каспар считал русских добрыми.

Лавуазье и Лангар вернулись только под вечер; лодки оказались безнадежно рассохшимися. Пока они их осматривали, к ним подошел старик, чтобы выяснить, кто они такие. Узнав, что они французы, он тут же стал звать на помощь. На его крики выскочили еще трое, помоложе, и нашим разведчикам пришлось уносить ноги; их спасло то, что преследователи, очевидно, были не совсем здоровы. Чтобы запутать следы им пришлось бежать в противоположную сторону, а затем долго отсиживаться в бурьяне.

Но решение уйти осталось прежним, и обсуждение предстоящего похода развернулось с новой силой. В самый разгар прибежал мальчик с запиской: Мария просила Каспара прийти за картой. Она необходима сию минуту, и Каспар готов тотчас бежать, но ситуация такова, что уйти ему нельзя. Повертев записку в руках, он протянул ее мне: сбегай сам, ты знаешь, где это, только не задерживайся.

Мария встретила меня во дворе и пригласила в дом. В комнате горела лампа, на столике самовар и три прибора, в вазе цветы; точно такие росли вокруг той, нашей балки.

– Это бессмертники, – сказала Мария, перехватив мой взгляд, – они расцветают и цветут до конца лета, когда зной достигает своего апогея, и остаются такими прекрасными навсегда; жара не убивает их, они просто засыпают, чтобы никогда не проснуться. Сейчас будем пить чай, садись вот сюда.

– Но Каспар просил меня не задерживаться! Им сейчас нужна карта, как раз спор возник именно из-за маршрута нашего похода.

– Тебе какое варенье, – казалось, что Мария не слышала меня, – это вишневое, а это из абрикоса дички, попробуй, я уверена, такое во Франции ты не пробовал.

Варенье было очень ароматное, и я действительно никогда такое не ел, но я еще раз повторил насчет карты.

– Я это слышала. Скажи мне, они что – все еще спорят? вы разве не все согласны уйти?

– Нет, мнения команды разделились поровну, но это без голоса Каспара, он предоставил все решить нам, самим. Теперь весь вопрос в безопасности дороги, которую мы выберем, поэтому они все ждут карту, а я тут сижу...

– Безопасной дороги для вас нет, они все гибельны, неужели вы этого не понимаете? Постой, ты сказал, мнения разделились поровну, но разве ты имеешь голос? Ты ведь еще несовершеннолетний!

Я хотел обидеться, но не успел.

– Прекрасно, раз твой голос тоже решающий, тогда ты будешь против ухода! Да, да, ты будешь за то, чтобы остаться! И не спорь со мной, – она увидела, что я собираюсь возразить, – я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты скажешь, что ни за что не бросишь Каспара, что ты навсегда с ним, но тебе не придется его бросать, пойми, он останется с тобой, как только услышит твое мнение. А теперь слушай меня.

И она назвала те преграды, которые неминуемо встанут на нашем пути. Главные – это отсутствие еды и полное незнание языка. Весной еще довольно холодно, а в сочетании со слякотью, особенно. Она видела нашу обувь, у всех пальцы просятся наружу, а о верхней одежде говорить, вообще нечего, в ней вы замерзнете в первую же ночь. И, наконец, дикие звери вокруг, для которых вы станете просто находкой – вокруг полно волков и медведей. Вы должны помнить, что отступающую армию Наполеона добила холод и голод. Незнание языка сделает бесполезными ваши попытки узнать дорогу или выпросить кусок хлеба. Не только бесполезными, но и опасными. А лето снимет все проблемы: идти можно босиком, спать под кустом, есть траву и лягушек, для вас они, кажется, не в диковину, а у нас их, хоть пруд пруди. – Она весело рассмеялась, и смех сделал ее еще красивее. – До лета вы немного освоите язык, не настолько, разумеется, чтобы выдавать себя за русских, но даже с суржилом сможете сойти за болгар или словаков, которых на Руси любят в отличие от французов, немцев и англичан.

Несмотря даже на колкости, которые Мария отпускала в адрес моей нации, ее выступление мне очень понравилось своей живостью и убеждением. Я понимал: все, о чем она говорит суровая реальность, которая ожидает нас. Но что нас ждет здесь в этой деревне, если мы останемся? Об этом как раз она и размышляет, призналась Мария. Готового решения пока нет, но есть одна мысль, ее следует обсудить с твоим наставником. «Тогда я пойду, ведь меня ждут» Но она не позволила: «сиди, он скоро сам сюда придет. А пока пей чай и рассказывай. Как вас встретили женщины, я ведь пришла позже.

– Они нас встретили хорошо, особенно понравилась еда, но вот смущает меня один эпизод этой встречи, который нас смутил, да и ваших женщин, кажется тоже. – И я рассказал старосте о том калек, который пытался оказать нам какие-то непонятные знаки внимания. Мой рассказ заинтересовал Марию, и она глубоко задумалась.

Как она и предполагала, вскоре пришел Каспар. Он упрекнул меня в медлительности – все ждут карту, а ты куда-то пропал.

– Георг не виноват, – вмешалась Мария, – это я его задержала. Сейчас ты отнесешь им карту и через час возвращайся, – обратилась она ко мне, – за это время попробуй рассказать им о холоде, голоде и диких зверях. Будут спрашивать о Каспаре, скажи им, что вы с ним разминувшись.

Я примчался к кузнице; там меня встретили недовольным ворчанием. Смотреть карту теперь нет возможности, под навесом уже совершенно темно. Лавуазье только что вернулся от старушки, у которой находился на лечении Жюльен; новости неутешительные, парню еще два-три дня придется лежать. Многие из присутствующих возмутились: зачем ему лежать, если мы понесем его на носилках? Оказывается, еще не закончено лечение. Тотчас к больному отправились Лангар и Александер и вернулись вскоре смущенные; Жюльен заявил, что если мы будем настаивать и тащить его насильно, он предпочтет остаться в этой деревне навсегда. Противники ухода возликовали, теперь перевес на их стороне. Я пересказал им набор лишений, которые ожидают нас в пути. Если признаться честно, когда я перешел к нападениям диких зверей, то сгустил краски настолько, что самому стало не по себе. Оставив их в состоянии глубокой задумчивости, я отправился к дому старосты. Разговор там шел на повышенных

тонах, и мне довелось услышать последнюю фразу: если ваше решение уйти окончательное, то оставьте здесь мальчика, сохраните жизнь хотя бы ему одному. Мальчика – это обо мне! Нужно показать им, что я давно уже взрослый. Нарочито сильно хлопнув дверью, я прямо с порога сделал заявление.

– Если вы обсуждаете мою судьбу, то можете особо не утруждаться. Решение я уже принял сам – я остаюсь!

Должен сказать вам, что они оба опешили от неожиданности. Даже Мария, хотя она совсем недавно просила меня об этом; но она тут же пришла в себя.

– Вот и хорошо. Решение достойное взрослого человека, – в ней в эту минуту заговорил педагог, – разве это не похвала тебе, Каспар? Ведь это твой воспитанник, значит, ты научил его столь трезвым суждениям. Bravo!

– Он ошибается, Мария, и говорит необдуманно. Он поступит так же, как и я: мы завтра уходим. Я думаю, что уходим все. В любом случае, Георга одного я никогда не оставлю, об этом я дал клятву его родителям, нарушить ее я не вправе ни при каких обстоятельствах.

– А если он все-таки останется, тогда что? – спросила хозяйка дома.

Каспар, видимо, растерялся, и молчал, лицо его стало мрачным; мне было жаль его. Но при одной мысли, что придется спать в сыром промозглом лесу на голой земле, не в состоянии укрыться от ветра и дождя, душа моя пришла в такое возмущение, что совладать с ним было выше моих сил. Я умоляюще посмотрел на гувернера.

– Может быть, попробуем, переждать здесь до лета? – робко спросил я. Вся моя решительность вдруг куда-то исчезла.

– Попробовать можно, но кто нам даст гарантию, что завтра нас не схватят и не поволокут на виселицу или на вечную каторгу?

– Я дам, – твердо сказала Мария, – но лишь при условии выполнения вами некоторых обязательств. Но об этом завтра.

Когда мы стали укладываться на свои места под навесом, сено вокруг нас зашевелилось; оказывается никто из матросов еще не спал.

– Ну что решили, командир? – поинтересовался кто-то из темноты.

– Остаемся, друзья, до тепла, – ответил после долгой паузы Каспар.

Со всех сторон негромко прозвучало троекратное виват.

– Мне кажется, кто-то из нас не сказал виват, – уточнил Каспар.

– Я, командир. Я завтра ухожу, – ответил ему Ронсед, – неужели вы надеетесь на снисхождение со стороны русских?

Ночью пошел дождь. Нам было слышно, как его струи шелестели по соломенной крыше навеса, ветвям деревьев. Навес был пристроен к стене кузницы и имел еще две стены, с вечера в нем было сухо и тепло, но одна сторона оставалась открытой, и к утру стало настолько холодно, что мы проснулись, хотя еще было совсем темно. Каспар тотчас использовал это обстоятельство.

– Заметьте, мы лежим под навесом, зарывшись в сухое сено, но так продрогли, что спать невозможно, а как сейчас в поле? или в лесу?

Все молчали. Отозвался только Ронсед, заявивший, что еще вчера у него болело горло, потому он не мог кричать ура, это с удовольствием он сделает сегодня. – Ура, мы остаемся! – И добавил: «за углом кузницы лежат кучи камней и глины, кажется, их приготовили специально для строительства». Дождь прекратился, и мы взялись за работу. Ронсед из соломенной трухи и глины приготовил раствор – оказывается, он понимал в этом деле – и мы быстренько сложили на этом растворе великолепную, как нам казалось, стену, оставив в ней узкую дверь. Изнутри стены нашего жилища утеплили циновками, а одну повесили на дверь. Как хорошо они пригодились эти циновки, которые силой заставлял нас плести Каспар! Теперь же нам казалось, что

мы все были тогда столь предусмотрительны, и гордились этим безмерно. Так же, как и своим, ставшим таким уютным, домом. Первая нас навестила староста.

– Вот это да! – искренне восхитилась Мария, – какие же вы мастера! Насколько я понимаю, вы остаетесь. Это прекрасно. Но, если вы выполните мои условия, этот дворец вам не понадобится.

И она выложила такой потрясающий замысел устройства нашей будущей жизни, что мы долго не могли понять, как это будет выглядеть на самом деле.

Нам уже было известно, что все мужчины этой деревни погибли в бою на реке Альме, но о том, что произошло после, мы узнали только сейчас. Один из них Федор Кусков, уцелел, и невероятным образом оказался в родной деревне примерно через месяц после сражения. Его жену Анну Кускову среди ночи разбудил лай собаки; Анна вышла на порог и увидела возле ворот телегу, запряженную парой лошадей. Подошла ближе и узнала Сивку, лошадь, вместе с которой ее супруг ушел из села. Сперва она подумала, что телега пуста, но вдруг оттуда послышались звуки: кто-то стонал тихонько и жалобно. Позвала соседей, и при свете фонаря они обнаружили на дне телеги четыре неподвижных тела; два окоченевших мертвеца, а в душах еще двоих едва теплилась жизнь. Один из них оказался ее Федор, второй – молодой парень из села Чонгурчи; они были ранены и находились в совершенно бессознательном состоянии. О том, как они оказались в Кунане, вспомнить так и не смогли. Обо всем, что произошло с ними после Альмы, всплывало в памяти отрывочными бессвязными кусками. Лишь недавно Мария вместе с односельчанками, после расспросов пастухов, кое-как смогла примерно восстановить картину происшедшего. Пастухи, общаясь между собой, владели тогда всеми новостями степного и предгорного крымского мира.

Федор был ездовым в батальонном обозе, в который входила и его родная рота. Когда во время боя батальон начал отходить, Кусков видел, как один за другим падали его односельчане, и, не дожидаясь команды, помчался навстречу отступающим, рассчитывая подобрать и вывезти своих. Он нашел, но только пятерых, остальные были мертвые. Подбирая раненых всех подряд, он направился к месту, где стоял обоз, и тут совсем рядом разорвалась граната, и его бездыханного с оторванным ухом, выбитым глазом и поврежденной кистью руки опрокинуло в его же телегу. Он не помнит, где его оперировали; очнулся после перевязки в Бахчисарае, в госпитале. Сразу же после операции их всех положили обратно в ту же телегу, так как мест в лазарете свободных совершенно не было, раненые поступали ежеминутно. Какое-то время они простояли с телегой в соседнем дворе рядом с лазаретом; им повезло, пару раз им сделали перевязку, а затем приказали отправляться в Симферополь для стационарного лечения. Грязь была непролазная, и в этой грязи от Бахчисарая до Симферополя лежали издыхающие от бескормицы и непосильного ярма волы и лошади, а в телегах умирающие раненые, которым никто не мог помочь: помощников было в сотни раз меньше, чем несчастных русских солдат. Спасло их то, что Федор утаил в своей телеге мешок овса. Конечно, это было преступление, но пошел он на него ради спасения своего единственного кормильца Сивки. Весь их скорбный путь был усеян трупами павших лошадей и волов, а их лошади ночью получали по хорошей порции фуража, благодаря чему держались и тащились потихоньку в сторону крымской столицы. Телега постепенно облегчалась: раненые, предоставленные сами себе, лишенные какой-нибудь самой малой помощи, кончались в муках. Их не хоронили, делать это было просто некому, их оставляли лежать в грязи рядом с павшими животными. Безвестные русские герои Крымской войны, выдержавшие безжалостное железо объединенных армий союзников и, не дрогнув перед ним, теперь страдали и умирали теперь от тупоумия собственного командования. В их бездарных предположениях в этой войне, очевидно, не ожидалось иметь раненых, как и не предусматривалось для них не только госпиталей и лазаретов, врачей и санитаров, но даже карболки и корпии. Даже солома в телеге или на полу, где вповалку лежали изувеченные,

истекающие кровью люди была для них недостижимой роскошью. Еще более недоступны были еда и питье.

На одних телегах были погонщики, на других правили сами раненые, кто был в состоянии. Федор с Иваном, которого он подобрал в альминской долине, поначалу держались. Они жевали овес, запивая водой, но на подходе к Симферополю оба потеряли сознание. Видимо тогда и взял на себя роль спасителя его верный конь со своим напарником, малорослым черным мерином. Сивка хорошо запомнил путь, проделанный им с хозяином всего лишь полтора месяца назад. Он понимал, что хозяин находится в телеге, но перестал подавать ему знаки по неизвестной причине. Не получая никакой команды перед самой столицей лошади решили, что в городе им делать совершенно нечего, повернули налево. Старый Сивка точно помнил, где находится его родная конюшня и взял курс на нее, придерживаясь того же маршрута, по которому он попал сюда. Друзья по очереди приходили в себя, собрав последние силы, давали корм лошадям и снова впадали в беспамятство. Где они находятся, и куда движется их телега, они не имели никакого представления. Об этом знал Сивка, и этого было достаточно. Может они бы сбились с пути, если бы на задней стенке телеги не было написано одно слово «Кунань». Когда Федор прибыл в армию, и его взору предстало бесчисленное множество телег на сборном пункте, он, опасаясь, что однажды не отыщет свою собственную в этой невообразимой сутолоке, попросил писаря сделать эту надпись. Что тот и исполнил при помощи квача и дегтя, потребовав за работу осьмушку табака. Теперь эта надпись служила им своеобразным пропуском: обступившие их жители в очередном селе, долго совещались между собой, дабы выбрать правильный путь в этот далекий неведомый Кунан. На эту дорогу они и выводили послушных лошадей, предварительно покормив и напоив и их, и раненых. Иногда в каком-нибудь селе из телеги забирали очередного умершего воина, чтобы предать его земле на местном кладбище. В конце пути из десяти осталось только четверо, из них двое живых, находящихся в бессознательном состоянии. Федор был положен дома, а Ивана передали знахарке; у обоих было множество ранений, но многоопытная Ефросинья, которой приходилось лечить солдат еще при Кутузове, с честью справилась со столь нелегкой задачей поставить их на ноги. Иван вскоре отправился своим ходом в родные Чонгурчи, а Федор – смотреть за лошадьми, которые выполняли всю работу в этой маленькой деревушке. Однако Федор, выздоровев, стал проявлять одну странность, он ходил по дворам и в каждом расспрашивал, где хозяин этого дома. Услышав ответ, что хозяин погиб под Севастополем, смотрел недоверчиво, тяжело вздыхал и отходил, бормоча себе под нос что-то неразборчивое. Вскоре всем стало ясно: Федор Кусков твердо уверен, что привез тогда, осенью пятьдесят четвертого года всех своих земляков после Альминского дела домой, пусть ранеными, но живыми. И бабушка Фрося их всех выходила, всех до одного, так как на кладбище нет ни одной их могилки. Кроме двух, в которых лежат неизвестные солдаты. Земляки теперь прячутся от него, очевидно, обижаются, что он плохо ухаживал за ними в дороге. Разве они не видели, как он сам еле-еле выкарабкался? И он бродит по деревне целыми днями, а в полнолуние и по ночам, разыскивая своих пропавших односельчан-однополчан. Поняв, что это от ранения в голову, ему стали подыгрывать, говоря, что Алексей или Григорий сейчас на рыбалке или в Ак-Мечети на базаре, или еще где-нибудь. Этого было достаточно, чтобы горемыка удалялся с просветленным лицом и счастливой улыбкой. Постепенно он успокоился, и все реже задавал свои вопросы. А когда вы появились в Кунане, все началось сначала; он уверен, что вы, это те, кого он с поля сражения доставил домой.

– Вы представляете, о чем я сейчас подумала? Нет? А я подумала, почему не выдать вас действительно за мужчин этого села, якобы возвратившихся с фронта.

– Но это невозможно, ведь вы знаете, кто мы такие; мы не похожи на местных жителей, – возразил Каспар. – и они ведь все погибли!

– О том, кто вы такие на самом деле мы знаем, но мы можем и забыть, ведь об этом никому неизвестно, кроме нас. Кто погиб, а кто уцелел в этой войне, думаю, разберутся еще

не скоро, если вообще станут разбираться. Вам, для вашей же безопасности, нужно целиком и полностью принять образ тех, погибших, – продолжала Мария.

– Не хотите ли вы сказать, что мы должны занять их места в их семьях, – вмешался Гильом, – иными словами – бракосочетаться?

– Скажем проще, жениться, – подтвердила его мысль староста, – и не откладывая в долгий ящик, прямо завтра.

– Но это невозможно! Так сразу, не ознакомившись, не изучив, так сказать, свою будущую избранницу, я так не смогу, – запротестовал Александер. – ведь это очень серьезно, потому что на всю жизнь.

– Прекрасно вас понимаю и полностью на вашей стороне, но у нас, к сожалению, нет другого выхода. Здесь, под этим навесом вам не скрыться от чужих глаз; только растворившись в общей массе, вы будете в безопасности. Будем считать эти браки фиктивными до поры, когда вы уйдете. Но сейчас по-другому не получится; в ближайшее время ожидается поездка урядника в Ак-Мечеть, какие деревни он посетит, неизвестно. И кроме урядника здесь может появиться любой чин. Но, если это произойдет не раньше ближайших двух недель, вы сумеете освоить к этому времени десяток русских слов. Больше и не потребуется; беседовать с вами никто, особенно, и не станет. Но, хотя бы такие как «да», «нет», «не могу знать», «спасибо, ваше высокоблагородие» нужно зазубрить, а там я знак подам, какое применить. Кроме того, любой из вас может прикинуться контуженым, и ему все простят. Жду ваше решение.

– Ну что же, друзья, уступаем насилию, – улыбнувшись, за всех ответил Каспар. Его улыбка вдруг вселила надежду в их души.

Теперь они занялись важной хозяйственной работой: постройкой бани, для чего сложили каменную печь и установили на нее железную бочку. Затем из досок и циновок соорудили стены, защищавшие их от любопытных глаз. Глаза эти были в основном женские, стосковавшиеся за время долгой разлуки даже за самым мужским видом. А тут баня, да прямо в центре села! И в этой бане моются молодые мужчины! Ну как не пройти, невзначай, мимо. Матросы, в свою очередь, не прочь поглазеть на пробегающих через улицу женщин; их тоска понятна, и она более жгучая, поскольку и более застарелая. Теперь, пытаясь представить себе то волнующее и соблазнительное, что их ждет завтра, они стали обсуждать всех увиденных ими женщин, примеряясь, так или иначе, к предстоящей совместной жизни. Известно ли их будущим спутницам о том, что произойдет завтра? Скорее всего, да, так как ужин им принесли дети. Женщины решили пока держаться от них подальше.

Вечером Мария пригласила Каспара к себе. Я сопровождал его, как обычно, но при разговоре не присутствовал; меня выставили во двор. Лишь по долетающим через форточку обрывкам фраз, можно было догадаться, что они ссорились, причем на повышенных тонах.

Умытое недавним дождем взошедшее над Тарханкутом яркое солнце, осветило деревянную кузницу и сидящих вокруг на камнях выбритых, с ухоженными прическами, в чистых рубашках молодых матросов.

Кроме мытья, пользуясь обилием горячей воды и мыла, они выстирали свою одежду. По их просьбе им принесли ножницы и бритву; Этьен из Марселя, который работал до войны парикмахером, поработал над их бородами и прическами. Утром к завтраку вместо чая каждый получил большую кружку домашнего виноградного вина, а благосклонная крымская природа подарила им по этому случаю тихий солнечный день.

Наконец пришла староста, и тут же появились нарядно одетые женщины. Каспар каждому члену команды начертал на ладони при помощи химического карандаша его возраст. Остались чистыми мои и Каспара; но здесь все было понятно: мои из-за молодости, а у Каспара особый случай. Мы все догадывались, кто станет его спутницей, и были рады за командира. Но нас ждал сюрприз, о котором мы даже не подозревали.

Мария просмотрела все метрики, изображенные на ладонях, вывела Лавуазье, как самого старшего из нас и поставила его против женщины по имени Людмила. Велела им взяться за руки и смотреть в глаза друг другу. Лавуазье начал говорить: это было его обращения к будущей спутнице жизни. Текст нам набросала вчера Мария, но мы отредактировали его по-своему, потратив на это время до полуночи. Я до сих пор помню эти слова – простые, но идущие из глубины души.

– Я оторван от своей Родины, от родных и близких людей, холодно и одиноко мне на чужбине. У меня нет крова над головой, нет родного сердца, стучащего рядом, теплой руки, которая обнимет меня и протянет кусок хлеба. Я погибну, если не встречу любящего взгляда, который согреет мою душу и успокоит мои терзания, – нараспев произнес Лавуазье. Нам всем показалось, что на глазах у него выступили слезы. И все мы в это время старались не глядеть друг на друга: мне кажется, что глаза на мокром месте были у многих, так проникновенно звучала эта мольба в устах немолодого моряка. И тут же ответ Людмилы.

– Я здесь, мой милый! Я долго ждала тебя, я согрею твою душу и тело, и услышу твое сердце. Я тоже одинока, как и ты, и мне нужна опора: крепкая мужская рука и любящее сердце. И кров у нас будет один, и очаг наш никогда не угаснет.

– Смотреть друг другу в глаза! – громко командовала Мария и поднимала в руке шелковую нить, на конце которой золотое обручальное кольцо. На площади полная тишина; зрители – женщины, дети, старушки и старики, и небеса высоко над ними; все молчат. Прекрасно звучала французская речь, на нее так же прекрасно, отвечала русская женщина; слов они не понимали, они чувствовали их сердцами.

И вот, о чудо! Души первой пары, Людмилы и Лавуазье слышали друг друга; кольцо сразу дает согласие на их союз, и они выходят из круга, держась за руки. А на очереди уже новая пара.

– Смотреть в глаза! – властный голос повторяет на двух языках. Но колечко раскачивается, отталкивая партнеров друг от друга. Мария отстраняет одну, затем вызывает другую, а после и третью женщину. Наконец кольцо начинает вращаться плавно по кругу, как бы объединяя и эту пару. Все! дайте руки друг другу, выходите из круга, станьте вот там, – звучат команды старосты.

Бегущие над деревней облака исчезли, они рассеялись, чтобы дать солнцу возможность беспрепятственно смотреть на необычную картину бракосочетания, которое организовала Мария, удивительная женщина, рискнувшая взять на себя столь ответственнейшую миссию – создание новых семейных пар. Ею движет чувство любви к своим односельчанкам, у которых безжалостная война отняла их половинки, их супругов. Любви бесконечной и бесстрашной, потому что по существу она укрывает врагов своего отечества. И делает тоже из-за любви, смешанной с жалостью к этим несчастным морякам, ставшими в одночасье, людьми без родины и средств к существованию. Впереди у них только одна перспектива: смерть от голода и холода или же каторга, что одно и то же.

– Смотреть в глаза, – меняется одна, другая, третья пара; на лбу у Марии капельки пота. – Возьми его за руку, смотри в глаза, – все повторяют обращение-мольбу, каждый по-своему, вставляя новые слова, сбиваясь и запинаясь, но все всем понятно, хоть и звучит это на разных языках, но принимается на одном – сердечном. Мария сама больше смотрит им в глаза, чем на нить с кольцом. Мне кажется, что кольцо начинало вращаться по приказу, идущему от ее руки, а руке команду подавали ее глаза, прикованные к глазам партнеров. Наконец круг свободен, из него вышла последняя пара, только я и командир стоим возле Марии. Она взяла меня за руку и негромко сказала: «ты будешь моим сыном». Сказала по-русски, и я, не знающий ни единого слова на этом языке, сразу все понял. Мы уже знали, что под Альмой вместе с ее мужем погиб и ее сын, тем не менее, для всех это стало неожиданностью. Но нас ждала вторая, еще большая.

– Вы помните, что наш кузнец был холостяком и жил в этой кузнице? – Получив из толпы слова подтверждения, она продолжает, – этот человек отныне займет его место, – и протягивает Каспару ключ, и добавляет насчет того, что условия у тебя намного лучше: пристроена такая прекрасная спальная комната.

Каспар принял ключ с самым невозмутимым видом, отвесив вежливый поклон в сторону Марии, затем ко всем остальным.

Мария по его просьбе переводит.

– Спасибо вам за доверие, я постараюсь стать хорошим кузнецом. Я поздравляю наших новобрачных, желаю вам сохранить это столь внезапное обручение на долгие и счастливые дни совместной жизни. Моя кузница открыта для вас в любое время дня, – тут командир сделал паузу и продолжил с лукавой улыбкой, – и ночи, тем более, что мне нужно срочно выучить русский язык.

После этого он обратился к своей команде.

– Друзья мои, будем считать, что это определено небесами, поэтому подчинимся их святой воле. Вспомните: там, у моря нам удалось отыскать половинку жернова, и она, эта половинка, долгое время оставалась для нас совершенно ненужным камнем. До тех пор, пока мы не получили второй камень, и он превратил нашу находку в самую нужную на свете вещь – жернов, который дал нам хлеб и с ним жизнь! Так давайте же возблагодарим Господа за то, что он ниспослал каждому из нас его вторую половину, и вместе вы творение Божье, а порознь бесполезная и никчемная вещь, просто камешка!

Признаться, такой речи от нашего командира мы не ожидали. Последовали слова утешения в его адрес, но Каспар попросил нас не сокрушаться сильно по поводу его участи, он считает, что все образуется и будет хорошо.

– Надеюсь, что вы понимаете, что это сделано для маскировки и никого ни к чему не обязывает. Ну а там, как Всевышний вас рассудит, хотя я старалась, – подвела итог Мария. Затем она взяла меня за руку и сказала: «пошли, сынок, домой». По дороге, на все мои попытки добиться объяснения происходящему, я получил одну единственную фразу: он сам этого хотел. Я догадался, что вчерашний разговор в ее доме был, очевидно, по этому поводу, и в итоге они приняли столь неожиданное для нас решение.

На второй день Каспар внезапно исчез, но поскольку Мария не выразила по этому поводу ни малейшего беспокойства, мы поняли, что все идет по плану. Действительно, через две недели двери кузницы распахнулись, и мы увидели Каспара, колдующего вокруг яркого пламени горна. Оказалось, эти дни он провел в деревне Чегелек, практикуясь у местного кузнеца, который был знаменитостью в своем деле – лучшим мастером от Ак-Мечети и до Ак-Шейха. Лет через пять, подобной известности достиг и Каспар, недаром он имел неугомонный характер. В деревнях от Кунана до самой Евпатории не было ему равных в кузнечном мастерстве.

– Он что, так и остался холостяком? – поинтересовалась Елена.

– Конечно, нет. Мария и Каспар полюбили друг друга очевидно с первого взгляда. Но врожденное благородство этой женщины не позволило просто взять и женить на себе Каспара. «Я не могу, пользуясь положением старосты, забрать тебя, это будет нечестно по отношению к остальным женщинам, хотя уверена, что против никто не скажет ни слова». Так заявила она ему в тот вечер. «Но и отдавать тебя я никому не собираюсь; поживи пока что в кузнице, а там увидим». Не обошлось и без недоразумений. Скоро в деревне поползли слухи о тайных посещениях кузницы местными вдовушками. Мария, конечно, ужасно мучилась, но не подавала виду. Тогда я решился вступить за честь этих двух людей, которых любил одинаково сильно. Я отправился туда вечером тайком от матери (я стал называть ее мамой с первого дня). Тайком потому, что мне было запрещено ходить в кузницу. Каспар иногда заходил к нам по воскресеньям узнать, как идут мои дела. С ее стороны эти посещения также не поощрялись: мне казалось, что они нарочно мучили друг друга. Когда стемнело, я спрятался в кустах

сирени, а вскоре увидел как в пристройку проскользнула женщина. Тогда я подкрался ближе, и через стену навеса услышал бурные звуки любовных утех. Признаюсь, я долго к ним прислушивался, поймите меня правильно, мне нужен был голос мужчины, но он его не подавал, а по нечленораздельному мычанию определить автора было невозможно. Хотя, если признаться честно, для меня все это было очень интересно, ведь мне уже было почти пятнадцать. Ничего не добившись, я решил заглянуть в окошко кузницы, где горел свет, как я думал для отвода глаз. Каково же было мое удивление, когда я увидел за верстаком моего воспитателя, мастеровившего что-то при свете плошки. Я снова занял пост в кустах, и когда парочка завершила свои любовные труды, дождался выхода мужчины и отправился за ним по пятам. Так мне удалось установить личность донжуана: им оказался наш Фломажо. Каспар взял его в кузницу молотобойцем; никто другой так не подходил на эту должность по физическим данным, как он. Находчивый молотобоец убедил доверчивую супругу, что в кузнице, иногда даже поздно вечером, случается выполнять сверхурочную работу. Прибытие нашего отряда в Кунан, конечно же, не смогло окончательно восстановить демографическое равновесие деревни: вдовствующих женщин оставалось еще довольно много. Неизвестно, может быть, чувствительная душа Фломажо возмутилась именно против этого факта, и он принялся восстанавливать справедливость в меру своих нерастрченных сил? Как бы то ни было, я обязан был что-нибудь предпринять для реабилитации Каспара, ибо версия, что именно кузнец принимает вдовушек, занимала в слухах главное место. Я измучился в поисках выхода, но все решилось само собой. Вскоре грянул мой день рождения, и мы с мамой Марией решили пригласить всех французов, правда, без жен – разместить всех в нашем маленьком домике просто не представлялось возможным. Таким, как он выглядит сейчас, он стал после того, как мы с Каспаром пристроили еще две комнаты. Итак, все члены нашей команды явились строго в назначенный срок, кроме Фломажо. С праздничного стола уже была убрана посуда, на нем почетное место занял огромный пирог с пятнадцатью свечами; я как раз собирался их задуть, когда вбежал запыхавшийся Жюль Фломажо. Его появление и без того привлекло бы внимание, но ко всему в его кудрях торчал изрядный клоч сена; его же следы были и на костюме.

– Жюль, дружище, ты что, на сенокосе так задержался? – сразу вцепился в него Лангар, – смотри, весь в сене, и где ты его отыскал, этот сенокос, так рано?

– Какой там сенокос! Я своей корове корм задавал вот и запачкался.

– Постой, постой, да у тебя ведь щеки в пудре и румянах, если ты только не целовался со своей коровой, то откуда этот парфюм? – не отставал Лангар.

Следует заметить, что насчет пудры ход был явно нечестный, ибо на молотобойце никаких улик, кроме сена не наблюдалось. Но бедняга Жюль явно растерявшись, вытащил платок и начал усиленно вытирать лицо. Все дружно рассмеялись. Перекрывая смех, к Марии обратился Гильом.

– Госпожа Мария! Есть слух, что наша деревня собирает деньги для покупки племенного быка, но скажите, какая нужда тратить деньги, если можно просто обменять его на Фломажо! Уверяю вас, вдовы Тарпанчи нам еще и доплатят в знак благодарности. А меня поставьте на место Жюля!

– А почему тебя? у тебя жена еще молодая, – возмутился Лавуазье, – я хочу быть молотобойцем.

– Ничего подобного, ты слишком стар для такой работы, – запротестовали остальные, – вернее не ты, а твой молоток! – Все потонуло в хохоте; смеялись до слез все, включая и самого Жюля. Со всеми смеялась и Мария; я был счастлив: наконец все прояснилось.

Вскоре в наш дом постучались сваты – Лавуазье и Гильом со своими женами, они и сосватали, как положено по русским обычаям Марию за Каспара. Пир свадебный не устраивался, все прошло тихо, и Каспар стал моим отцом. А в положенное время у них родилась дочь Нина.

– Значит Нина, если я не ошибаюсь...

– Да, Лена, ты не ошибаешься, я носил ее на руках, когда Нина была маленькой, так все и осталось. Хотя, если быть справедливым, то она не меньше нянчится со мной сейчас, чем я тогда. Еще добавлю: все пары, обрученные у кузницы, сохранили верность новым семейным узам до конца дней своих. Сейчас здесь живут их дети.

– Скажите, Георг, как все-таки прошла ваша первая встреча с русским начальством, – поинтересовался Макаров, – или оно вас не навещало?

– Буквально через некоторое время нашу деревню посетил урядник, он из Евпатории двигался в Ак-Мечеть. Высокое начальство ничем особо не интересовалось, и сделало оставку, чтобы поговорить со старостой. У нас, собственно, было подозрение – старый чиновник только ради нее и заехал в Кунан. Он уже слышал, что в деревню вернулись израненные воины и послал писаря, чтобы тот поговорил с кем-нибудь из них. Писаря повели к Жульену, больше было не к кому, у него нога забинтована и по-русски у него неплохо выходило. Натерли ему ногу сажей, чтоб пострашней было, а лицо мелом, для бледности. Случилось же так, что когда писарь вошел Жульен спал, и во сне по-французски и заговорил. Писарь ногу смотреть не стал, выскочил и к уряднику, трясется, заикается, слова сказать не может.

– Да говори же ты, болван, чего ты там такое увидел, что тебя так скособоило? Ну! – разгневался начальник.

– Там этот... там тот... по-французски, кажется, во сне, что-то сказал... – с трудом выдавил писарь.

– Ах ты, бумажная душа! вот я тебя сейчас с турками воевать отправлю, посмотрю потом, на каком языке ты у меня во сне заговоришь! С французами воевал по-французски и заговорил. На каком же еще ему говорить, верно? – победоносно посмотрел вокруг урядник. Все присутствующие согласились со столь железной логикой. На том все и кончилось.

Издали слышались чьи-то осторожные шаги.

– Это Кеша, – сказал Георг, – раз Кеша пришел, значит, пора домой.

Ослик стал тыкаться головой хозяину в бок, просить хлеба. Предложенный ломоть с ладони откусывал аккуратно, жевал медленно, степенно, затем принялся подбирать упавшие крошки. Настоящий крестьянин, заметил Дюбуа, бережлив до скупости.

На обратном пути они остановились на пригорке у сельского кладбища. За деревянной оградкой две одинаковые могилки; Каспара и Марии. На могильной тумбочке Каспара табличка.

Всю землю родиной считает человек.

Изгнанник только тот, кто в ней зарыт навек.

– Дочь написала, а я застеклил. Каспар так сказал мне однажды, что родиной может стать то место, где прошла твоя жизнь. Франция для тебя лишь то место, где ты появился на свет. До сих пор не уверен, что я с ним согласен.

Наступила последняя ночь в Кунане, последняя ночь четы Макаровых в супружеской постели. Елена еще в Евпатории, когда он собрался ехать в Севастополь, заявила, что она хочет ребенка. «Ты уедешь рано или поздно, я это чувствую. Пусть рядом со мной останется еще одна частица тебя; так мне будет легче перенести разлуку». Теперь их близость ничем не ограничивалась и придавала их ласкам невообразимую прелесть. Как тогда в первую брачную ночь, когда не требовалась та осторожность, столь препятствующая настоящему наслаждению их ненасытных тел.

Они с Георгом ушли со двора задолго до восхода солнца. По их расчетам к концу дня они должны попасть в Евпаторию.

В пути разговор снова вернулся к минувшим дням и к той эпитафии. Оказывается, был все-таки момент, когда он реально мог вернуться во Францию. Произошло это, когда евпато-

рийским головой уже был Николай Мамуна; их познакомили на благотворительном вечере в честь тридцатипятилетия освобождения города от неприятеля. Его секретарь отыскал меня в парке и сообщил, что граф Мамуна хочет меня видеть. Я признаться был удивлен, так как считал, что моя личность в городе никому не известна. Но когда увидел рядом с градоначальником нотариуса, мне все стало понятным: последний оформлял мои документы и был в курсе моей биографии. Мамуна взял меня за локоть и увлек в боковую аллею, где мы проговорили с ним тет-а-тет почти целый час. Николай Андреевич оказался очень интересным собеседником, необычайно эрудированным, а его французская речь звучала для меня слаще райской музыки. С графом мы оказались почти ровесниками; когда началась Крымская война, ему исполнилось десять лет. В разговоре мы коснулись множества тем, и среди них и вопрос возвращения нас французов на родину.

– Я могу помочь вам вернуться во Францию, граф, – сказал мне Мамуна, – я не думаю, что это будет слишком сложно.

Я обещал подумать и дать ответ в ближайшее время. Пока я возвращался домой, меня обуревали самые различные чувства, в которых я не мог сразу разобраться. Беседа с родителями все поставила на свои места. Сообщение о том, что мы можем вернуться во Францию в любое время, хоть прямо сейчас, видимо не сразу дошло до их сознания. Первой отреагировала Мария, она встала из-за стола и, прижав платок к глазам, вышла из комнаты, не сказав ни слова. Зато Каспар, наоборот, не молчал; он принялся ходить по комнате, что делал лишь только в минуты крайнего волнения.

– Прежде чем делать подобные предложения, тебе стоило их обдумать или обговорить, хотя бы со мной. Ты подумал о матери? что она не видела, там в твоей Франции?

Признаться, я ожидал, что он скажет в *нашей* Франции.

– Нам с ней совершенно нечего там делать на восьмом десятке лет, так же, как впрочем, и тебе. Забудь о ней, тебя там никто не ждет. Запомни, никто. Твоя родина здесь, где ты живешь, а не то место, где ты только родился.

И он прочел мне стихи арабского поэта и добавил, что хотел бы видеть их на своем надгробии. Итак, Каспар, который не только родился во Франции, но и прожил там почти сорок лет, своей родиной объявил вдруг Россию. Почему? Ведь в Париже у него осталось два сына, правда, в Кунане родились дочь и внуки. Так что же определяющее для нас в этой жизни, как мы узнаём, где наша родина? Я хотел бы оказаться сейчас во Франции, поклониться могилам моих родителей, увидеть сестру. Но на этом – все. Жить там я бы не пожелал. Я попал в Россию совсем юным, со мной был Каспар, и как-то сложилось так, что меня усыновили эти замечательные люди, я полюбил этот край и его жителей, но это потому, повторяю, что был молод. Вам же будет намного труднее, Владимир, вы уже не юноша, и вы оставляете здесь самое дорогое: жену и дочь. Но знайте, они в семье, где для них всегда будет кров и пища, и, самое главное, любовь. Не беспокойтесь о них, они теперь члены нашей семьи. И это навсегда.

Владимир поблагодарил Георга и решился задать вопрос, который его занимал последнее время.

– Скажите, Георг, вы верите в то, что нам удастся сделать вашего внука наследником графства Дюбуа?

– Если честно, то не очень. Хотя для этого у вас есть все шансы. Володя, вижу у вас наготове второй вопрос, и я хочу его опередить. Вы хотели бы знать, почему я взялся вам помогать? Когда я услышал о ваших проблемах, то подумал, что Господь, возможно, намеренно свел нас в корчме у грека. Он послал мне все это, как испытание, и я принял его. За мою долгую жизнь такое случалось, и не один раз, так что со временем выработалось в моей душе твердое правило: если ты в чем-то можешь помочь другому, никогда не уклоняйся от этого, и тебе воздастся. Если не сейчас, то потом. И, в конце концов, если не тебе, то твоим близким. И в это нужно верить и следовать этому. В жизни мы движемся по настолько сложной и запутанной

тропе, на которой мы все можем попасть на следы своих же ног и увидеть деяние своих же рук. И от того, какими были эти шаги и поступки, будет зависеть, идти ли нам дальше или уже где-то раньше мы сами своим бездушием подготовили для себя последнюю стоянку. Но может произойти такое, что вы станете бороться за благополучие собственной дочери, там во Франции; ведь никто не даст гарантии, что мой внук Василий и ваша Катя не станут мужем и женой. Но знаете, я твердо уверен, что настоящая ценность – это то, что есть в нас самих, в наших душах. А богатство, измеряемое золотом, к которому некоторые так стремятся, приносит чаще всего несчастье и страх, что его у вас, так или иначе, отнимут.

Они простились на окраине Евпатории.

– Да хранит вас Бог, прощайте, – сказал Георг.

– Ты вовремя вернулся, – заметил Полковник, – как устроил семью? Хорошо? Он прошелся по кабинету, как показалось Макарову, не слушая его рассказ. – Ладно, красные поджигают, они уже прорвали нас на Перекопе, скоро начнется погрузка на суда, там уже разводятся пары. Мне удалось перевести тебя в штабную команду в связи с ранением, так что будем на одном борту. У тебя есть какие-нибудь еще дела в городе? Тогда найди Петренко, он введет тебя в курс дела, в котором у нас, как-то незаметно появились нежелательные конкуренты. Это я про наследство графа. Александр тебе все расскажет, потом вместе обдумаем.

Своего товарища Макаров отыскал на Графской пристани; они давно не виделись, и им было о чем поговорить. Но сразу о деле.

– Ты мне о чем-то должен рассказать, Саша. Что-то случилось?

– Представь себе, случилось, и есть опасение, что это только начало. На следующий день после твоего отъезда в номере у Полковника неизвестные лица устроили обыск. Войдя в номер, он увидел там полный разгром и тотчас позвонил в контрразведку. Через полчаса явился оттуда капитан, который заверил, что их люди здесь не причем. Допросили коридорного; он показал, что около десяти утра явились двое, представились сотрудниками контрразведки, сунули под нос бумагу, а когда он попытался ее рассмотреть поближе, получил под ребра стволом нагана; ему велели немедленно открыть дверь в номер полковника Зайцева. После того, как открыл, он хотел спуститься вниз к телефону, но вместо разрешения идти снова получил под ребра и команду: сидеть и не рыпаться. Дальше были ругательства. Они рылись в нашем номере довольно долго, затем ушли. Я спустился вниз к телефону, но он не работал. Уйти я не мог, так как был один, и оставить этаж не мог. Телефон заработал в полдень, я сразу же позвонил в комендатуру. Как они выглядели? Один черный, вроде как на грузина похож, второй полный в чине капитана. Грузин был в черкеске без погон.

Мы с Полковником осмотрелись, кажется все на месте; это был не грабеж, а чистый обыск. Контрразведчик посоветовал перебраться в штабную гостиницу, там есть охрана на этажах и коридорные из солдат. Шеф сказал, что подумает, на этом и расстались.

– Постой, Саша, грузин и капитан, это ведь те, что в харчевне нас подслушали. Помнишь, они через кухню ушли?

– Припоминаю. Прокол тогда вышел, опоздал я с патрулем. Но на этом командир все не кончилось. Через два дня повез я шефа в Балаклаву, обратно с нами еще двое попутчиков напросились, наши военные. Как обратно выехали темнеть уже начало, но свет в машине хороший, и я, хоть в последнюю минуту, но все же увидел, что дерево на дороге падает. Едва успел затормозить и заднюю передачу включить, как из-за деревьев выстрелы загревели. Сразу по фарам врезали, они их понятно слепили. Но мы уже из машины кубарем, и стали отстреливаться. Хорошо наши попутчики с винтовками были, тут мы такой ответ устроили, что там, за деревом, немного постреляли и замолчали. Мы же после этого на обочине на изготовке лежали, пока сзади от Балаклавы машина не выскочила. В кузове юнкера ехали и нас на буксир прицепили; радиатор на нашей машине прострелили в трех местах. Сами бы не добрались.

Вот такие у нас пироги чуть не получились. Прямо тебе скажу, если бы не попутчики, мы бы пистолетами не отбились.

– Какие предположения? Случайное совпадение или обыск и засада на дороге это одно дело? – спросил Макаров.

– Полковник считает, что это одни и те же люди, и замысел у них один. Им нужно заполучить то, что есть у Александра Сергеевича. Он мне конкретно ничего не сказал, хотя оброрнил такую фразу: сперва пытались тихонько найти, теперь решили нахально отобрать. Ты что-нибудь понимаешь?

– Думаю, что речь идет о документах, которые вручил нам Георг, – ответил поручик. – А вот, кажется, и командир.

На площади остановился автомобиль, из него вышел Зайцев и направился к офицерам, они поспешили ему навстречу.

– Вы уже обедали, молодые люди? Нет? Тогда, Александр, быстро в харчевню, закажи обед и присоединяйся к нам. А ты, Володя, расскажи мне теперь подробнее, как ты там своих устроил. Сможешь найти, когда вернемся?

– Александр Сергеевич, вы хотите сказать, что мы можем сюда когда-то вернуться?

– Обязательно, Владимир! Мы уходим, чтобы вернуться. Вчера командующий проводил совещание, так вот, один мой приятель из контрразведки поинтересовался, нет ли у меня знакомых, желающих тайно остаться в Крыму; им нужна агентура, чтобы места высадки будущих десантов готовила. Наши надежды на весеннее наступление следующего года основаны на твердом убеждении, что Красная армия, состоящая на две трети из крестьян, непременно разбежится. Пахарь обязательно вернется к своей пашне: так было всегда, так будет и сейчас, нового ничего не произойдет. Никакие посулы не оторвут этих людей от их кормилицы-земли. Тогда мы начнем с десантов, а когда армии перегруппируются, ударим большими силами. Понятно?

Нет, многое было непонятно, но Макаров не успел ответить, так как

вернулся Петренко и сказал, что обедать нас ждут через полчаса. Полковник посмотрел на часы.

– Обсудим последние события: обыск моего номера и засада, дело рук одних и тех же людей. О том, что я еду в Балаклаву, знало лишь несколько человек в штабе, значит, информацию они получают из первых рук, из каких только, нам сейчас не установить, на это просто нет времени. Понятно, что эти люди не остановятся, уж больно лакомый кусочек эти бумаги графа, за ними стоят очень большие деньги.

– Что они могут предпринять, если получат эти документы, – поинтересовался Макаров, – включатся в борьбу за наследство?

– Думаю, что нет. Скорее всего, это будет шантаж. Имея на руках такие козыри, как эти бумаги, можно вытянуть из семейки Дюбуа любую сумму денег. Создавая угрозу, что они могут отнять все в пользу законного наследника, они по существу станут совладельцами капитала. Поэтому они от нас не отстанут. После обыска в гостинице им стало понятно, что бумаги я ношу с собой, вот в этом портфеле. Теперь была попытка отобрать его с боем, злоумышленники видели, что я взял его с собой в поездку. Они становятся опасны, они будут спешить получить документы еще в Севастополе, что будет потом, им неизвестно, эвакуация может разбросать нас по всему свету. Нужно дать им возможность похитить портфель с копиями тех документов, которые вручил нам Георг. В них допущены отклонения от оригинала, которые сделают их недействительными. Просто так подделку не определишь, значит, на какое-то время эти наглецы оставят нас в покое. Но подсунуть им портфель необходимо так, чтобы не вызвать подозрений; все должно быть естественно, похожее на случайность. Для достоверности я тут секретные материалы подложил, штабные карты, они уже завтра никому не будут нужны, даже немного денег оставил. Жду вас вечером с предложениями.

Утром Макаров подъехал на бьюике к гостинице, забрал полковника и отвез его в штаб. Тот вышел из штаба примерно через час, и они отправились к санчасти на улице Екатеринославской. Полковник везде выходил из автомобиля с желтым портфелем, вышел он с ним и сейчас, но, подойдя к больничной двери, подозвал к себе Владимира и вручил ему портфель; похоже было, что он ему мешал. Поручик сел в автомобиль и медленно поехал вверх по улице. Он часто останавливался, заходил в магазины, но он ни единого раза не оставил в машине портфель. Так поступил он и когда вошел в трактир «Адмиралъ Корниловъ». Перекусив на скорую руку, водитель сел в машину, приготовившись уехать, но тут выбежал мальчик и попросил его вернуться. Он отправился в трактир, оставив портфель на переднем сидении, а когда вышел через минуту его там уже не оказалось. Поручик бегом бросился по улице, догнал первого же солдата, бредущего по тротуару с мешком за плечами. Угрожая револьвером, заставил открыть мешок, затем бросился ко второму, третьему прохожему; чередуя угрозы со слезными мольбами вернуть ему его желтый с двумя замками портфель. Все отнекивались, никто не видел никакого портфеля. Нашлись очевидцы, которые припомнили крутившегося возле автомобиля мальчишку: куда он исчез, и было ли у него в руках, что-либо похожее на портфель точно сказать не мог никто, но мешок у него кажется, был. Поручик подключил к поискам проходящий патруль, но все это не дало, понятно, никаких результатов. На самой Екатеринославской площади и на прилегающей к ней улице полно народа, а беспризорных подростков среди них просто не счесть.

У полковника вечером подвели итоги. За всем происходящим с чердака дома, что напротив трактира наблюдал Петренко.

– Когда ты от санчасти двинулся, за тобой два оборванца побежали, а солдат шагал по противоположной стороне, затем они у машины крутились пока ты обедал. Как только тебя в трактир вернули, появился штатский в пальто с поднятым воротником и в шляпе на самые уши напыленной; он дверь с улицы рукой придерживал, очевидно, на тот случай, если ты раньше времени появишься. Солдат дверь в машину открыл, но оттуда достал не портфель, как я ожидал, а мешок, мальчишкам его сунул, те прыснули в ближайший переулок, солдат сразу за ними. Штатский вошел в трактир, а вышел, очевидно, через кухню. Думаю, что это был наш грузин. У солдата щека платком перехвачена, как при больных зубах, так что лица я его не видел. Все проделано быстро, полминуты не прошло.

– А в трактир ты почему вернулся, – спросил полковник.

– Я когда пообедал, дал деньги махновские. Официант кричать начал, хозяина звать, жуликом меня обозвал, а я его успокаиваю, сейчас, мол, принесу, ошибка вышла, настоящие деньги в машине. Я пошел за деньгами, они следом мальчика послали, чтоб я не сбежал, но я сам пошел рассчитывать. Думаю, что вышло правдоподобно, должны поверить.

– Ну, дай-то Бог. На этом все, крымские дела закончены, завтра мы отплываем; жду вас утром у себя.

ПРОЩАЙ РОДИНА!

Последняя ночь для поручика Макарова оказалась невыносимой; ему труднее было в Севастополе, чем в Кунане, когда он прощался с семьей. Там они были еще вместе, и впереди еще было какое-то неопределенное количество времени и пространства, где, как ему казалось, могло таиться нечто способное еще хоть что-нибудь изменить: отсрочить или даже отменить отъезд. Но наступил миг, когда все вокруг сжалось до беспредельно малой величины, которая выражена тремя словами: «завтра мы отплываем». Он смотрит на стрелки часов – уже сегодня. Через несколько часов он сделает шаг, который отделит его от всего, что для него дорого, без чего дальнейшая жизнь теряет смысл. Он ступит на палубу корабля, и между ним и его прежним существованием произойдет нечто, после чего... Он не мог понять, что будет после,

в его мозгу просто не было определения тому, что случится. В душе пустота, безысходность, переходящая в отчаяние. Зачем все это? Для чего и во имя чего?

Он стоял у самой кромки воды, пытался рассмотреть за уже отчетливо проступившим горизонтом свою милую сердцу Евпаторию, а за ней место, где осталось все, что составляло его прежнюю жизнь. К нему подошел Петренко: пора, друг, идем собираться.

В город уже входили колонны армии генерала Кутепова и корниловской ударной дивизии, другие подразделения Русской армии. Катера и шлюпки беспрерывно сновали между пристанью и крейсерами, броненосцами и эсминцами, транспортами, пароходами, и прочим огромным числом всяких судов, доставляя к ним военных и гражданских лиц. Бесконечные вереницы людей поднимались по трапам на пароходы, стоящие у стенок севастопольских причалов. По улицам города проходят патрули юнкеров; город они покинут последними. Вокруг пристани огромные толпы. К полудню патрули и заградительные части подошли к Графской пристани. Генерал Врангель, осунувшийся и бледный в черной черкеске, поблагодарил всех за службу. Несколько мгновений постоял с непокрытой головой, после перекрестился и отвесил низкий поклон родной земле.

Еще на катерах при погрузке и затем, когда уже отчалили, все обратили внимание на необычное состояние морской воды. Неподвижная, словно стеклянная поверхность, на ней нет даже намека на малейшую зыбь или шевеление. Поднятая носом катера волна через десяток метров исчезает и замирает в не постижимом спокойствии водной глади. Что это? Скатертью вам дорога или просьба остаться? У переговаривающихся на борту людей много всяких версий. Вскоре все смолкло, в едином порыве повернувшись к постепенно удаляющемуся берегу. Сплошная белая стена лиц, ни единого затылка. Многие что-то шептали. Молитвы? Слова прощания? Обещание вернуться? Неизвестно; стояла гробовая тишина. В быстро темнеющем воздухе, на берегу один за другим исчезали огни. Сердце Владимира сжалось; он попытался встать на носки, чтобы удержать глазами тот последний, дрожащий, может быть, где-то на Херсонесе. Но и он погас. Все исчезло, остались только холодные яркие звезды. И темнота вокруг, в которой перемещаются сотни огоньков; дрожа и подмигивая, исчезая за более высокими корпусами судов и тут же появляясь вновь. Диковинные светлячки летящие в неизвестность. Все молчали; некоторые плакали, не скрывая слез, многие украдкой вытирали глаза. В душе у каждого стучало одно – прощай Родина! А утром все избегали смотреть в глаза друг другу, словно стыдясь чего-то или чувствуя вину, как будто в эту ночь они совершили нечто недостойное. Грустная дума легла каждому на чело, затуманила взор, заставила опустить голову.

Полковнику удалось поместить Макарова в свою каюту, сославшись на его ранение. В каюте было две койки и промежуток между ними чуть больше полуметра; в каюте на двоих поместилось четверо. Кроме них еще священник и майор Бибилов, поэтому решили одну койку предоставить отцу Сергию, а на второй спать по очереди, меняясь через три часа. Протоиерей выразил бурный протест против такой привилегии и потребовал распространить на него общие правила. Теперь двое спали на койке, а двое бодрствовали, сидя на вещмешках в межкоечном пространстве. Ночью в каюте было холодно, а днем они сидели мокрые от жаркого пота; условия на палубах были еще хуже, поэтому они старались поменьше выходить наверх.

Майор Бибилов похож внешне на Сократа, за что и получил от сослуживцев эту кличку; он доволен сложившейся ситуацией: рядом с ним потенциальные собеседники, которым просто некуда от него сбежать. Сейчас в нем живет неистощимое желание обсуждать что-либо, спорить и доказывать; чем маститее оппонент, тем с большим азартом бросается майор в словесную баталию. Вначале он принялся за Полковника, пытаясь втянуть его в дискуссию о том, почему мы проиграли войну. «Мы ведь ее проиграли, не так ли, уважаемый Александр Сергеевич? Теперь находясь в этой крайне не приспособленной для путешествия жестянке, называемой броненосцем со столь громким именем «Георгий Победоносец», двигаемся прочь от великой России, неизвестно куда и зачем». Полковник ответил ему кратко, что о результа-

тах войны принято говорить только после ее окончания. Поскольку эта война еще не закончена, то не будем обсуждать итоги, которых еще нет. А идем мы курсом на Турцию, она пока единственная страна, где нас согласились принять. После этого полковник открыл книгу, давая понять, что разговор окончен. Но майор не из тех, кто так легко сдается; уже на следующий день он переключился на священника. Задавать духовному лицу вопросы, если они не связаны с религиозной темой неприлично, и Василий Иванович пустился в обход.

– Я смиреннейше прошу у вас прощения, отец Сергей, но я совершенно растерян и подавлен, поскольку не один я, а мы все оказались в столь плачевном положении. Я хотел бы узнать, насколько это возможно, в чем следует искать утешение нашим скорбям, которые неминуемо обрушатся на нас в изгнании. И кто укажет нам истинный путь к нашему спасению? И ждет ли нас, где-нибудь, это спасение, откуда оно придет к нам? Кто позаботится о нас на чужбине?

Майор едва не запутался в своей фразе, состоящей из стольких вопросов, впрочем, его это не очень беспокоило; для него главным было завязать разговор. Он собирался еще что-то добавить, но священник остановил его жестом.

– Поможет нам вера наша. Да, Господь действительно направляет наши ковчеги в чуждую нам страну, но не стоит сокрушаться и печалиться раньше времени, ведь мы еще не знаем, что нас ждет впереди. Вспомните: библейский Иосиф, будучи проданный своими вероломными братьями в рабство не только не погиб, но самоутвердился, несмотря на невзгоды, не только создал для себя достойную жизнь, но и смог оказать спасительную помощь отцу и своим братьям.

– Неужели вы считаете, отец Сергей, что и мы каким-то образом сможем в изгнании оказать кому-то помощь. И кому же? Не красным ли товарищам?

– России, – коротко ответил священник, – ее народу. Ведь Иосиф не только помог своим близким, но и народу своему и тому, который его приютил. Сейчас красные с нами поступают так же, как и братья Иосифа с той лишь разницей, что те его продали, а эти нас изгоняют, что впрочем, одно и то же. Но он их не только простил, но и спас, причем не один раз.

– Вы предполагаете, что мы когда-нибудь простим красным все то, что они сотворили? – Бибииков не может скрыть свое возмущение, – простим разорение и гибель России? Думаю, что никогда! Это ведь абсурд, батюшка. Такое не прощают. Нет!

– Я не предполагаю, я знаю наверняка, что простим. Знаю потому, что мне пошел уже восьмой десяток, потому что я сам русский и знаю русскую душу. Простим и помогать будем, ведь они наши братья, пусть даже заблудшие. А насчет гибели России сильно конечно сказано, но неверно: Россия не погибла и не погибнет, пока жива ее вера православная. Вспомни, сын мой, нашествия татар, шведов, немцев, поляков, французов, да их всех не перечислить, и что? Кто погиб, а кто крепче стал? Где они все?

– Значит, вера нам поможет? А здесь в Крыму, почему она не защитила нас, а наоборот помогла безбожникам. Даже воду из Сиваша согнала, чтобы наши преследователи прошли по морю, яко посуху!

– Интересную тему вы затронули, уважаемый Василий Иванович, – вдруг отложил в сторону книгу полковник, – сейчас я начну, а вы, отец Сергей, поддержите меня; я уверен, что вам об этом более известно, чем нам мирянам. Когда мы уже вышли в море, над городом взлетела ракета; сигнал о том, что в город вошли красные. Его подал наш человек. Я посмотрел на часы: с того момента, как мы оставили берег прошло два часа, если быть точным, то даже на семнадцать минут меньше. Давайте порассуждаем: почему красные, находясь совсем рядом, в двух часах лошадиной рыси от города, не помешали нашему уходу? Почему командиры красных, Август Корк вместе с Блюхером, выиграв столь важное сражение при штурме перекопско-юшуньских позиций не ринулась стремительно к Севастополю, Керчи и другим городам, где собирались уйти морем наши полки. А ведь дорога была практически открыта. Что на ваш взгляд, майор, помешало им прихлопнуть нас прямо на причалах, не дать погрузиться, а сами

корабли изгнать из бухты с помощью артиллерии или же потопить тех, кто не уйдет? И орудий у них для этого было предостаточно своих, да наших брошенных вместе со снарядами, тьма. Пять аэропланов для корректировки огня! Мы же более полутора суток грузились на корабли, прикрываемые заслонами из юнкеров. Вы что же допускаете мысль, что обойти их или опровергнуть для красных было столь непосильной задачей?

– Вопрос сложный; не зная тактические замыслы большевиков, а также всю обстановку на момент прорыва на Перекопе, нельзя на него ответить так вот просто, – ответил Бибилов, – но я сейчас попытаюсь.

– Я думаю, что не стоит тратить усилия, уважаемый Василий Иванович, логического объяснения этому с точки зрения военной целесообразности нет. Ведь после взятия Юшуня они двинулись в погоню за нашей Первой армией к Джанкою, тогда как могли ударить частью сил через Джурчи на Айбары и обойдя Симферополь с запада, прийти к Севастополю раньше или одновременно с Кутеповым. У красных ведь было двадцать семь тысяч штыков против наших тринадцати, что давало им возможность любого маневра. Зачем было большевикам выпускать боеспособную семидесятитысячную армию, когда ее можно было легко заблокировать на полуострове и вынудить сдаться? Итак, с военной точки такая небрежность для полководца просто недопустима. Политический шаг? Но он тоже не просматривается. Тогда нам следует думать о человеческом снисхождении к поверженной белой армии, чуть ли не любви к нам. Вы можете допустить, что в сердце красного командарма Фрунзе могло вдруг зародиться такое чувство?

На этот вопрос ему ответили отрицательно.

– Тогда что же это было такое, что заставило вдруг красных командиров, гнавших нас от самой Каховки не давая ни минуты передышки своим частям, сломивших нас на Чонгаре и под Юшунью, вдруг почти остановиться, дать отступить, сохраняя боевые порядки и выставляя лишь небольшие заслоны. Признаться, в штабе каждую минуту ожидали, что в последние два-три дня красные пойдут ва-банк и сорвут куш в виде нашей армии. Но этого не произошло. И совсем недавно просочились слухи о знаменитой операции задержания красных, которую провело крымские священники. Уважаемый отец Сергей, вас называли среди ее участников, если это так, расскажите нам об этом хоть что-нибудь.

– Да, это так и я счастлив тем, что принимал в ней участие, и мы все, кто к этому был причастен, испытываем чувство гордости за наши русские святыни. И именно за эту икону, Курскую Божью Матерь Знамение, которая без всякого преувеличения спасла нашу армию от разгрома и пленения. О том, что икона в Крыму знали немногие. Ее Петр Николаевич Врангель еще в прошлом году велел доставить из Сербии.

– Простите, что я вас перебиваю, отец Сергей, – извинился Бибилов, – но как она очутилась в Сербии, ведь мы все представляли, что икона находится в России?

– Ваши представления были верными, но только до того момента, когда красные добрались до святынь Знаменского собора. Золото и серебро конечно было разграблено, а иконы брошены в глубокий колодец. Когда безбожники ушли, прихожане заглянули в него и узрели, что один образ плавает на поверхности. Вытащили из воды и изумились: икона весила около четырех килограммов, но не погрузилась на дно. Само по себе уже это было чудо. Благодаря стараниям неизвестных героев икона была спасена, вывезена из России на Балканы.

Когда стало ясно, что прорыв красных не сдержать, барон Врангель встретился с представителями крымского духовенства с митрополитом Вениамином во главе. После этого икона Божьей Матери Знамение пересекла возможный путь красных от деревни Кизыл-Бай и до деревни Чорелек, что на Арбатской стрелке.

– Это было перед взятием Юшуня, верно? – спросил Зайцев и, получив подтверждение, продолжил, – как только путь большевистской армии наткнулся на запретительный ход, действия красных лишились логики. Вместо того, чтобы взвинтить темп, кое-где они стали рыть окопы, готовиться к обороне. Командарм красных Фрунзе стал слать обращения к барону

Врангелю и белым офицерам. Ничего серьезного не предпринималось с их стороны; последний солдат Русской Армии покинул Графскую пристань около трех часов дня, а в четыре часа сорок три минуты большевики вступили в Севастополь.

– Какая же сила таится в иконе, как она действовала? Вам известно об этом, святой отец? – поинтересовался майор.

– Мне неизвестно. Да, думаю, что это и не должно знать никому. А сила ее великая, вспомните, мы как мы от Севастополя отходили, насколько вода морская спокойна была. Я всю жизнь здесь прожил, такого спокойствия не видел. Может и на врагов наших Святыня подействовала таким же манером, успокоила их что ли?

Отец Сергей поднялся с койки и перекрестился: «слава тебе Господи всемогущий, за то, что послал нам свою Спасительницу». Офицеры вслед за ним повторили молитву благодарения.

Наконец в густой серой пелене утреннего тумана показались огни незнакомого берега. Это была Турция. «Георгий Победоносец» сбавил ход; оказывается голова колонны подошла сюда намного раньше, но то ли из-за густого тумана, либо их просто не ждали, вводить в залив их начали около десяти утра. Перед ними Босфор, его огромная дверь медленно приоткрывается. «Со скрипом», как сказал Бибилов, только вместо скрипа корабельные гудки, на которые изредка отвечает сирена на берегу. Куда приведет эта дверь, и что таится там за ней? Этот вопрос написан на многих осунувшихся от бессонницы и еще непонятно от чего лицах.

Они стоят на палубе броненосца и вглядываются в проплывающие берега. Только отец Сергей бывал здесь раньше по пути в Иерусалим, теперь он делает пояснения. Справа вплотную надвинулся какой-то городишко; неужели это Константинополь?! – спрашивает Бибилов, не скрывая разочарования. Нет, это Сарыер, затем слева, Бейкоз. И вот наконец Константинополь; его ожидали с нетерпением, считая конечной точкой похода. Но караван судов ползет дальше. На стенках множество людей, они машут руками и подают приглашающие жесты. Радуются что ли? Нет, приглашают, хотят торговать. Действительно, вскоре у борта появились крошечные лодки, снующие от берега к кораблям и обратно; что-то поднимают на веревках вверх, опускают вниз. Справа, это Бакыркей, говорит священник, мы вышли в Мраморное море. И вот он полуостров Галлиполийский, вытянувшийся почти на восемьдесят верст в сторону Эгейского моря. Галлиполи или Голое Поле, как станут его называть русские офицеры. Несколько убогих городишек, лагерь, обнесенный колючей проволокой, куда в течении шести часов высадился Первый армейский корпус.

– Наш новый дом внушает тихий ужас, – продекламировал поручик Петренко.

Просто непролазную грязь тысячи сапог быстро превратили в сметанообразную массу, которая сразу приобрела способность самостоятельно передвигаться и даже заползть в палатки. Паек выдали очень скудный, вначале говорили, что продукты еще не выгрузили, но потом все осталось без изменения. И тогда произнесены были первые упреки в адрес французов, наших бывших союзников. Отобрав все корабли в счет оплаты за перевозку армии и населения, они присвоили все, что было можно и во всем теперь беспредельно ущемляли, особенно в продовольствии. Офицеры стали менять, у кого что есть на хлеб и инжир. Турки охотно шли на обмен, особенно если речь шла о серебре или золоте.

У Владимира после перехода открылись раны, пришлось идти в санчасть. Накануне барон Врангель приказал для сохранения боевого духа ежедневно проводить занятия строевой подготовкой. Народ роптал и массово стремился укрыться в госпиталях. Поэтому появление поручика медперсоналом было принято с изрядной долей недоверия, но взглянув на его спину, тотчас же послали за хирургом. Ему довольно долго пришлось ожидать его прихода. Высокий и широкоплечий, с громовым голосом хирург спросил после осмотра:

– Где же это вам, каналья, так шкуру подпортили?

Поручик не стал обижаться, он уже понял, в чьи руки попал, причем самые искусные во всем армейском корпусе. Каналья, было его слово-паразит и его же кличка.

Пока врач обрабатывал ему спину, он успел сообщить, что канальи офицеры, чтобы избежать муштры толпами бегут в госпиталь. Здесь они принимаются канючить спирт, а выпросив, пытаются подпаивать его самого, как говорится, за компанию. В подтверждение этих слов от него сильно пахло, но движения рук были твердыми и осторожными. Санитару, которого он послал за обедом, было строго наказано предупредить повара пусть в кашу льет подливу, а не воду, иначе, когда этот каналья попадет ко мне, я ему обязательно отрежу что-нибудь дорогое для него. И возьми обед на больного. Теперь вы должны полежать пару часов, затем я отправлю вас в палату.

Пришел полковник попрощаться; выглядел он чуточку печальным.

– Завтра уезжаю в Берлин. Есть сведения, что много наших осело в этом городе еще после первой мировой. Моя миссия – привлечь их под знамена Врангеля. На весну двадцать первого планируется новый поход на Россию. Торопиться нужно, красные объявили о создании миллионной армии через пару лет. Мало кто верит, что им что-то удастся сделать в этом плане, но спешить нужно. К сожалению, все сейчас упирается в отсутствии денег, я даже тебя не могу взять с собой по этой же причине. Но ничего, ты подлечись, а когда я вернусь в Париж двинем. Хотя признаться, чем дальше, тем меньше мне нравятся французы: взяли наши суда как плату за эвакуацию, продовольствие изъяли, а теперь даже кормить по-человечески не желают. Все они союзнички одинаковы, к войне с Россией толкают, а денег давать, похоже, не собираются.

В общей палате, куда к вечеру перевели Макарова, офицеры встретили его дружескими приветствиями.

– Господа, давайте положим поручика возле печки, вы только взгляните на его спину, – предложил незнакомый ему капитан. Все согласились; кого-то тут же переместили в другой угол палаты. – Здесь больных или раненых, как вы – раз-два и обчелся, остальные все волюнтерят от муштры, как, впрочем, и я, – шепнул все тот же капитан, – будем знакомы, штабс-капитан Чернявский Сергей Иванович.

Вскоре принесли ужин: постная каша, в которой плавало по два-три крошечных кусочка мяса и чай. Критиковать свой скудный рацион им уже надоело, кормят отвратительно. И нет никакого намека на то, что будет лучше. А как жить дальше? Разве на таких харчах помаршируешь? Это нам в госпитале еще более – менее сносно, а там, в строю один киловой хлеб на шестнадцать человек или две галеты на два дня. Турки, увидев, что выменять у нас уже нечего, смотрят презрительно, обзывают неверными.

Утром пришел Каналья, сообщил, что ночью из лагеря Чаталджи вырвалось около двух тысяч казаков. Перебив охрану, они захватили один из пароходов, стоящих на рейде и двинулись на Новороссийск. Остальных срочно переводят на греческий остров Лемнос, откуда убежать невозможно. Большинство из них письменно заявили о своем желании вернуться в Россию. Французы молчат; скорее всего, что они имеют на нас какие-то планы.

– Мы бы все охотно вернулись, – ворчал доктор, – все до одного, да только нас там ничего не ожидает, кроме свинцовых пилюль.

В канун Нового года какая-то благотворительная организация доставила в госпиталь для офицеров продовольственные пайки и спирт. Последнему были очень рады, так как врач резко ограничил его выдачу для внутреннего употребления, ссылаясь на скудость запасов.

– Да мне скоро вас, канальи, лечить будет нечем, – парировал он все обвинения в жадности в свой адрес, – вам разве неизвестно, что все вывезенные из Крыма запасы конфискованы нашими союзниками? чтоб им пусто было!

Новогодний праздник провели весело. Юнкерские песни забытых лет юности, воспоминания боевой молодости; несмотря на всю кровь и грязь, случавшуюся тогда, все равно в них находили что-то смешное и веселое. В рассуждениях старших товарищей, прозвучав-

ших в застольных речах и тостах уже слышится оправдание муштры, учений, штабных игр. В предстоящем февральском смотре войск видели только залог будущего наступления, будущей победы. Теперь муштра в непролазной грязи, лагерь, обнесенный колючей проволокой, холод и голод, рваные английские шинели и гнилые консервы – все казалось не существенным, временным, все можно и нужно перетерпеть ради возвращения в Россию. Всем известно, что эмиссары барона разъехались собирать новую армию; наших много в Берлине, Варшаве, Париже и других городах Европы, их бы всех собрать под знамена генерала Врангеля и двинуть на Россию. Кто нас поддержит? Антанта, в первую очередь, да и в самой России Воронеж и Тамбов, казаки Дона и Кубани только ждут сигнала, так как на дух не переносят Советскую власть. Все сразу и со всех сторон, и за Советы никто не даст даже ломаного гроша. Царит всеобщее воодушевление; нужно только ждать и терпеть галлиполийские тяготы, как неизбежное сейчас, но в будущем очень недолгое недоразумение. А следующий Новый Год обязательно будем встречать дома в России.

И такое приподнятое настроение царит в продолжение всех первых месяцев нового двадцать первого года. Еще никто не знает, что одни эмиссары, посланные на Запад, вместо списков будущих полков и дивизий, привезут известия о крайней непопулярности Врангеля в среде белой эмиграции. Другие, заранее зная о столь негативном отношении к барону, никуда и не ездили, а успешно проматывали, выделенные для вербовки средства в игорных домах и ночных ресторанах Константинополя.

Уже с декабря прошлого года в лагерь стали доходить слухи о кровавых расправах красных над нашим офицерами, оставшимися в Крыму. Те, кто имел представление о нашем терроре против красных, предполагали подобный ход событий, но никто не мог представить, что это произойдет так быстро, причем с такой жестокостью и беспощадностью. Теперь уже всем не терпелось идти в десанты, не дожидаясь наступления. Идти и мстить.

Известие о Кронштадтском мятеже вызвало всеобщий подъем боевого духа. Нужно выступать, поддержать героев! что же наши генералы, почему медлят? Ведь нельзя упускать столь подходящий момент. Радость и ликование были настолько сильными, что известия о подавлении восстания восприняли как обычную пропаганду красных.

Но свои плоды вспыхнувший среди офицеров дух патриотизма, все-таки принес: командование приняло решение отправить десант к берегам Крыма. Паровая шхуна с отрядом, численность которого, как и все остальное держалась в глубокой тайне, отправилась ночью с Константинопольского рейда. И вдруг она возвратилась, имея на борту лишь капитана и пятерых членов команды. Они на второй день бесследно исчезли; поговаривали, что их спрятала контрразведка на острове Лемнос или в городской тюрьме, дабы пресечь распространение слухов. Но эти меры оказались тщетны, и вскоре о десанте известно стало многое.

Им предстояла высадка под Балаклавой, где в лагере по агентурным данным, содержалось около тысячи офицеров. Был четкий план: перебить охрану, вооружить пленных (для этого на шхуне было достаточно винтовок и пулеметов) и тут же двинуться на Севастополь, где в городе и его окрестностях находилось в заключении солдаты и офицеры Белой армии. Сигнал для высадки два костра зажженные у причала ровно в полночь. Так все и оказалось. В полной тишине, заглушив машины, шхуна под парусами подошла к небольшой пристани, и десантники бесшумно исчезли в кромешной темноте. Капитану приказано держать судно у причала и по сигналу приступить к выгрузке оружия. Но он из осторожности нарушил приказ и отошел от берега. Прошло около часа, как тишина внезапно взорвалась винтовочной и пулеметной стрельбой. На шхуне недоумевали: откуда пулеметы, если они остались на борту? Через некоторое время шквал огня стих, раздавались только одиночные выстрелы. Капитан приказал поднять якорь; сейчас будет зеленая ракета, сигнал для выгрузки оружия. Он приготовился запустить машину, чтобы не терять времени на маневрирование под парусами. Но вместо зеленой ракеты они услышали звук мотора: к ним со стороны Севастополя на малых

оборотах подкрадывалось какое-то судно. Запустили двигатель, и тут же их осветил прожектор, очевидно катера береговой охраны красных. Прозвучала команда остановиться, но шхуна двинулась в открытое море. На катере взревел мотор и, чихнув, захлебнулся. Рупор разразился бранью; защелкали винтовочные выстрелы, пули застучали о борта, рвали паруса, шлепались рядом в воду. Но шхуна уходила; ее спасли своевременно поднятый якорь и поломка движка на катере. Они долго вглядывались в ночь, но зеленой ракеты не было. Больше часа они дрейфовали вдоль берега, погасив фонари, но вокруг только темная ночь; ни ракеты, ни костра, ни огонька. Учитывая, что неподалеку был вражеский катер, на котором в любую минуту могли устранить поломку, они взяли курс на Турцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.